
Королевство
по ту сторону
сна

Алиса Вернер

«Королевство по ту сторону сна»

«Автор»
2026

Вернер А.

«Королевство по ту сторону сна» / А. Вернер — «Автор», 2026

Каждую ночь художница Ника просыпается в мире, которого нет ни на одной карте.Лиорн — загадочное королевство, где над облаками возвышаются замки, древняя магия превращает рисунки в реальность, а целые города исчезают без следа.Здесь Ника встречает Эйдена — молодого короля, отчаянно пытающегося спасти свой умирающий мир. Он знает о ней больше, чем должен, и скрывает тайну, способную разрушить всё, во что она верит.Между ними рождается любовь, которой не должно существовать. Но каждое сотворённое Никой чудо имеет свою цену, а спасение королевства может обернуться гибелью другого мира.Когда правда о её прошлом начинает открываться, Нике предстоит сделать невозможный выбор: довериться мужчине, который её обманул, или уничтожить единственный мир, где она почувствовала себя по-настоящему живой.**Ведь иногда, чтобы спасти любовь, приходится изменить саму реальность.**

© Вернер А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лестница, которой не было 6
Глава 2. Письмо из сна 13
Глава 3. Квартал без цвета 22
Глава 4. Свидетель наяву 30
Глава 5. Мастерская Тео 37
Глава 6. Условия короля 44
Глава 7. Те, кто больше не видит снов 49
Глава 8. Цена рисунка 54
Глава 9. Ночной рынок 60
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Алиса Вернер
«Королевство по ту сторону сна»

КОРОЛЕВСТВО
ПО ТУ СТОРОНУ СНА
Алиса Вернер

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Город, которого нет на карте

Глава 1. Лестница, которой не было

В тот день, когда Ника впервые попала в Лиорн, ей отказали в выставке из-за неба.

— Вы упорно оставляете его пустым, — сказала женщина в бежевом жакете, перелистывая папку с рисунками. — Посмотрите: здесь дома, здесь мост, вот отличная деталь — мокрые перила. А наверху ничего. Ни облака, ни птицы.

Женщину звали Лидия Павловна. Она руководила небольшой галереей и произносила слово «ничего» с такой досадой, будто Ника специально испортила ей утро.

— Иногда там действительно ничего нет, — ответила Ника.

— Так не бывает.

— Бывает в ноябре. Особенно над нашим городом.

Лидия Павловна сняла очки. За её спиной висела большая картина: девушка на морском берегу, волосы от ветра почти горизонтальные, над ней — половина неба, тщательно выписанного розовыми и сиреневыми полосами. Ника посмотрела на эту картину и поняла, что спорить дальше не стоит.

— Вы талантливы, — сказала галеристка голосом человека, который собирается поставить после этих слов очень большое «но». — Просто зрителю нужен выход. Пространство. Воздух. А ваши работы словно построены вокруг того, чего вы не показываете.

— Может, это и есть тема выставки.

— Название у неё хотя бы есть?

— «Места для возвращения».

— Красиво, — отозвалась Лидия Павловна, закрывая папку. — Пожалуй, слишком грустно для декабря.

Ника вышла из галереи с папкой под мышкой. На улице моросил мелкий дождь, от которого зонты казались чрезмерной мерой. На остановке мужчина в мокром пуховике тщетно пытался сложить детский самокат, а у газетного киоска две школьницы спорили, бывает ли у кошек чувство вины. Мир занимался простыми делами, не нуждаясь ни в пространстве, ни в воздухе.

Телефон завибрировал.

«Ну?» — написала Соня.

«Небо опять недостаточно голубое».

Ответ пришёл сразу: «Небо подделаю. Тебя приглашаю на кофе».

Ника улыбнулась. Соне можно было написать даже одно слово «провал», и через минуту та предложила бы три способа исправить положение, два — отомстить виновным, и один — поесть.

«Не могу. Сдаю иллюстрации».

«Тогда хотя бы поспишь сегодня нормально? Ты выглядела как человек, который задолжал сон банку».

Ника не ответила. Последние две недели со сном и правда было странно. Она ложилась измученная, спала по восемь часов и просыпалась с ощущением, будто всю ночь куда-то шла. Сны оставляли после себя не сюжеты, а подробности: шероховатость камня под ладонью, запах нагретой смолы, незнакомое слово, которое никак не удавалось вспомнить днём. Дважды ей снился город, полный высоких мостов. Один раз — звон колокола, который оборвался на середине удара.

Ника снимала в старом доходном доме на четвёртом этаже большую комнату, которая служила ей и мастерской, и спальней. Лифта не было. Когда она добралась до двери, куртка намокла, а папка начала гнуться по краям. Она поставила чайник, включила компьютер и открыла папку с иллюстрациями для детской книги. До срока сдачи оставалось четыре часа.

На экране светилась страница: маленький мальчик поднимался по синей лестнице, чтобы увидеть море с крыши. Вокруг лестницы летали бумажные киты. Историю написал другой человек; Нике досталось право придумывать, как всё выглядит.

Она увеличила рисунок. Четырнадцать ступеней, каждая чуть шире предыдущей. В нижней части — скол на камне. Долго мучившая её тень от перил наконец легла правильно. Ника не понимала, зачем так подробно вырисовывала конструкцию, которая в книжке занимала всего треть страницы. Но на любой лестнице человек должен чувствовать, куда поставить ногу. Даже если по ней идут бумажные киты.

Она сохранила файл, проверила разрешение и отправила иллюстрации редактору. Потом, нарушая собственное правило не смотреть на работу после сдачи, ещё несколько минут разглядывала синюю лестницу.

В шесть позвонила тётя Жанна.

— Ты ела?

— Вопрос с подвохом? Если скажу «да», попросишь перечислить ингредиенты?

— Значит, не ела. Я оставила тебе контейнер у консьержки.

— Жанна, ты живёшь на другом конце города.

— Трамваи пока ходят. Как выставка?

Ника перевела взгляд на чистую полоску стены над столом. Там обычно висели новые работы, но утром она сняла их все, чтобы не смотреть.

— Организаторам нужен воздух.

— В галерее окна не открываются?

— Им нужен нарисованный воздух.

На другом конце линии послышалось короткое фырканье. Жанна никогда не утешала Нику фразами о том, что мир ещё оценит её талант. Когда Ника в девять лет принесла домой первую акварель с перекошенным домом, тётя сказала: «Дом стоять не будет. Зато цвет хороший». Ника до сих пор предпочитала такую честность любому восторгу.

— Приходи в воскресенье, — сказала Жанна. — Разберём старые коробки. Я нашла кое-какие твои детские рисунки.

— Ты обещала выбросить старые коробки ещё весной.

— И как видишь, удержалась от опрометчивого решения.

После короткой паузы Жанна спросила:

— Тебе всё ещё снится тот мост?

Ника выпрямилась.

— Какой мост?

— Ты говорила о нём в прошлый раз. Высокий, с часами.

— А. Да. Почти каждый день.

— И что происходит во сне?

— Ничего. Просто стою и смотрю.

Тётя молчала так долго, что Ника решила: связь пропала.

— Жанна?

— Ты не подходи к воде, — сказала та вдруг.

— Во сне?

— Да. Во сне тоже.

— Очень практичный совет.

— Ника, я серьёзно.

В голосе тёти прозвучала непривычная резкость. Ника хотела спросить, почему вода во сне может быть опаснее мокрой лестницы наяву, но Жанна уже сменила тему: напомнила про контейнер, спросила, не забыла ли Ника заплатить за электричество, и закончила разговор.

К полуночи дождь прекратился. В окнах напротив по одному гас свет. Ника забрала еду, доела холодную гречку с котлетой и снова села к столу. Под рукой оказался старый альбом в серой обложке, куда она записывала идеи. На последней странице, среди пометок о композиции и чужих телефонов, был нарисован мост с башенными часами.

Ника не помнила, когда успела его набросать.

Арка опиралась на две высокие башни. Под ней была чёрная вода, будто художница забыла оставить место для отражения. А часы показывали без семи минут двенадцать.

Она провела большим пальцем по карандашной линии. В памяти отозвался звук: один тяжёлый удар, второй — и тишина.

— Переутомилась, — сказала Ника пустой комнате.

Она закрыла альбом и легла, даже не погасив настольную лампу.

⁂

Первым пришёл запах хлеба.

Ника стояла на узкой улочке между каменными домами, и из открытого окна над ней тянуло горячей коркой, дрожжами и обожжённым сахаром. Кто-то торопливо захлопнул ставни. Под ногами шла мостовая из тёмных плит, влажных после дождя. Вода стекала к решёткам вдоль домов, только это была не совсем вода: в ней плавали тонкие серебряные искры.

Ника подняла голову.

Небо было цвета выстиранного льна. На его фоне стояли башни — больше и тоньше любых, что она видела прежде. Между башнями тянулись мосты, местами такие узкие, что две тележки вряд ли смогли бы разъехаться. По самому дальнему двигалась вереница людей с фонарями.

— Ну вот, — тихо сказала Ника. — Зато небо теперь есть.

Она сразу узнала город. Не потому, что бывала здесь: этого быть не могло. Просто всё вокруг казалось продолжением того рисунка из альбома, который она закрыла перед сном. Вдалеке высилась башня с часами. Стрелки показывали без семи двенадцать.

По соседней улице пробежал мальчишка с деревянным ящиком. Он скользнул на мокрых камнях, подхватил ящик и даже не оглянулся. Следом прошли две женщины в длинных серых пальто. Одна несла корзину с зеленью, вторая спорила о цене муки.

Сновидения обычно не тратили столько сил на посторонних людей. Ника знала это по опыту: если во сне заговорить с кем-то случайным, тот либо исчезнет, либо окажется человеком, которого ты давно знаешь. Здесь женщины продолжали спорить, даже когда Ника перестала на них смотреть.

Она шагнула к мосту. Камень под ботинками отозвался холодом. На пальцах, когда она провела ими по стене, осталась пыль.

— Убедительно, — пробормотала она.

На главной площади не было ни торговых лавок, ни музыкантов. Люди стояли лицом к каналу. Кто-то держал в руках пустое ведро. Кто-то — маленький складной стул, будто пришёл надолго. Ника услышала странный звук, не похожий ни на ветер, ни на треск дерева. Так мог бы звучать большой лист бумаги, который медленно разрывают изнутри.

На противоположном берегу исчез край дома.

Не обрушился. Не осыпался. Просто часть стены сделалась прозрачной, и сквозь неё стала видна другая улица. Женщина на балконе отшатнулась, бросилась к двери — но двери уже не было. Её крик оборвался в тот миг, когда пропала часть балкона.

Ника остановилась.

— Эй! — крикнула она, хотя не знала, кому именно.

Люди на площади задвигались. Один мужчина схватил ребёнка за капюшон и потянул прочь от воды. Двое солдат в тёмно-синих плащах пытались организовать проход по мосту. На середине моста кто-то уронил ящик, и круглые медные детали рассыпались по плитам.

Ника увидела мальчика, который бежал мимо неё несколькими минутами раньше. Он стоял возле упавшего ящика, собирая детали, несмотря на то что мост содрогался под ногами. Далеко за его спиной расходилась светлая трещина.

— Оставь! — крикнула Ника.

Мальчик поднял голову.

— Там часы! — отозвался он. — Учитель убьёт меня!

От треска её заложило уши. Одна из каменных плит накренилась. Мальчик отступил к перилам, а солдат, бежавший к нему, едва удержался на ногах.

Ника не собиралась вмешиваться. По крайней мере, так она потом пыталась объяснить себе случившееся. Это был сон; во сне люди не умирали, а если мост развалится, можно просто проснуться. Но мальчик смотрел на неё с таким обыкновенным ужасом, что рассуждения о природе сновидений сразу показались бесполезными.

Она побежала.

— К берегу! — крикнул солдат. — Не выходите на мост!

— Там ребёнок!

— Мы его достанем!

Но он уже понимал, что не успеет.

Между берегом и мальчиком разошлась широкая щель. Под ней клубилась серебристая тьма. Остатки моста ещё держались на двух опорах, но трещина ползла всё дальше. Ника остановилась у сломанного парапета. До мальчика было метра четыре — слишком далеко для прыжка. Он стоял на узкой площадке, вцепившись в ящик.

— Как тебя зовут? — спросила Ника.

— Тео.

— Тео, посмотри на меня. Не на воду.

— Она не вода.

Ника и сама это видела. Там, где должен был быть канал, висела пустота с движущимися искрами. Ни одной знакомой глубины, ни одного отражения.

— Хорошо, — сказала она. — Тем более не смотри.

Она огляделась, пытаясь найти доску, верёвку, хотя бы лестницу у стены. Ничего. Возле её ботинка лежал кусок чёрного строительного карандаша, выпавший, вероятно, из чьего-то кармана.

Ника подняла его.

Это было нелепо. Но странным образом она сразу поняла, что нужно сделать.

На боковой поверхности каменной опоры осталось сухое место. Ника присела на корточки и провела первую линию. Потом вторую. На камне возникли две боковые грани будущей ступени. Она не рисовала красивую лестницу. Несколькими линиями обозначила опоры, высоту подъёма, угол, под которым мальчик сможет поставить ногу. Остальное она уже знала наизусть по законченной книжной иллюстрации: четырнадцать ступеней, нижняя со сколом, холодный камень с синим отблеском после дождя.

Тот самый рисунок из книги.

Карандаш начал крошиться. Ника прижала его сильнее, дорисовала перила, обозначила верхнюю площадку. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы заметить: линии не оставались на камне.

Они уходили в него.

Опора дрогнула. Из боковой стены, с тяжёлым скрежетом раздвигая старую кладку, начала выдвигаться ступень. За ней следующая. Каждая была шероховатой и влажной, как если бы много лет лежала под дождём. Синие прожилки светились внутри камня и тускнели по мере того, как лестница приобретала вес.

Кто-то схватил Нику за плечо.

— Прекратите! — произнёс мужской голос. — Вы не знаете, какую опору размыкаете!

Она резко обернулась.

Перед ней стоял высокий человек в простом тёмном плаще. На шее, под воротом, поблёскивала узкая серебряная цепочка. Его лицо было бледным от усталости, а на правой щеке виднелась свежая царапина. Сапоги и рукава были испачканы каменной крошкой, словно он уже пытался удержать рушащуюся кладку. Он держал её за плечо крепко, но без боли.

— Там мальчик, — сказала Ника. — Отпустите.

Мужчина посмотрел на лестницу, затем на ребёнка. Выражение его лица изменилось: не удивление, скорее мгновенный, неприятный для него самого расчёт.

— Опора выдержит одного, — сказал он. — Не двоих.

— Значит, пусть идёт он.

Мужчина отпустил её и вышел к краю. Не оглядываясь, расстегнул плащ и бросил его солдату.

— Тео! — крикнул он. — Слушай мой голос. Иди по ступеням, не держись за правые перила. Они ещё не закрепились.

Мальчик всхлипнул.

— А если она исчезнет?

— Я останусь здесь, — ответил мужчина. — Смотри на меня.

Тео поставил ногу на верхнюю ступень. Та выдержала. Он сделал второй шаг, потом третий. На шестом поскользнулся, схватился за неокрепшие перила, и лестница содрогнулась.

— Дальше, — сказал незнакомец негромко. Не приказал — попросил, и от этого голос прозвучал убедительнее.

Ника считала шаги вместе с Тео. Семь. Восемь. Девять. На одиннадцатой ступени края её рисунка начали расплываться. Камень истончался, словно изображение на мокрой бумаге.

— Быстрее! — выдохнула она.

Тео прыгнул через две последние ступени. Незнакомец успел подхватить его за воротник и рывком перенести на твёрдый берег. Лестница тут же сложилась внутрь себя, без грохота, без каменной пыли: с сухим шелестом, похожим на перелистывание большой книги.

И в тот же миг на башне ударил колокол. Не часовой бой: до полудня оставалось семь минут. Наверное, тревога.

Один раз.

Второй.

Третий удар не прозвучал.

Из канала поднялась волна серебристого тумана. Люди на площади попадали на колени. У одного мужчины из рук выпала корзина, и яблоки покатились по мокрой мостовой. Незнакомец быстро прикрыл Тео собой. Нику он удержал за локоть, не давая шагнуть вперёд.

Туман прокатился по площади и осел. На другом берегу исчезнувший дом не вернулся. От него остался кусок стены с голубой занавеской, которую всё ещё раскачивал ветер.

Несколько мгновений никто не говорил.

Потом Тео шмыгнул носом, прижал к груди ящик и сказал:

— Учитель всё равно будет ругаться.

Мужчина тяжело выдохнул. Ника не сразу поняла, что он смеётся.

— Будет, — согласился он. — Но теперь ты хотя бы сможешь его выслушать.

К ним подбежала женщина в кожаной куртке поверх кольчуги.

— Государь, восточный проход закрыт. Надо уходить, пока не сорвало вторую арку.

Ника перевела взгляд с женщины на незнакомца.

— Государь?

Тот, кажется, предпочёл бы, чтобы она не расслышала.

— Эйден Арвель, — представился он. — Я благодарен вам за то, что вы сделали.

— А я ещё не уверена, что вообще что-то сделала.

— Вы вывели мальчика с разрушенного моста.

— Я нарисовала лестницу. Это разные вещи.

Он посмотрел на неё внимательнее, и Нике стало неуютно от спокойствия этого взгляда. В нём не было восторга перед чудом. Скорее узнавание чего-то, что он очень долго искал.

— Как вас зовут? — спросил Эйден.

— Ника.

Мужчина не ответил сразу.

— Ника Лаврова?

Она отступила на полшага.

— Откуда вы знаете мою фамилию?

Женщина в кольчуге тоже посмотрела на Эйдена, но он не заметил или сделал вид, что не заметил.

— Мне нужно вам многое объяснить, — сказал он. — Только не здесь.

Ника хотела рассмеяться. Конечно. Сначала какой-то невозможный город, потом мост, который рвётся как бумага, затем король без короны, знающий её имя. Сновидение явно решило не экономить на драматургии.

— Начните с простого, — предложила она. — Почему я не просыпаюсь?

Эйден побледнел ещё сильнее.

— Потому что вы уже проснулись, — произнёс он. — Только не там, где привыкли.

За его спиной солдаты выводили людей с площади. Тео, всё ещё прижимая к себе ящик, повернулся к Нике и неловко помахал рукой. На его ладони оставался кровавый след от медной детали.

Сон не должен был помнить такие мелочи.

Ника открыла рот, собираясь задать следующий вопрос, но улица под ногами накренилась. Звон колокола вернулся — теперь не с башни, а откуда-то изнутри головы. Мосты, дома, серая полоска неба стали отступать, будто её медленно тащили назад через узкое стекло.

— Ника! — окликнул Эйден.

Она успела увидеть, как он протягивает руку.

⁂

Настольная лампа всё ещё горела.

Ника лежала в собственной постели, запутавшись в одеяле. За окном занималось тусклое утро. С улицы доносился шум грузовика, который не мог с первого раза сдать задом к воротам.

Она села и долго смотрела на свои ладони. Никаких синяков, никакой каменной пыли, ни следа от строительного карандаша. Её тело осталось здесь; только память о холодном камне была слишком отчётливой.

«Я ведь держала его в руке», — подумала она.

Ника потёрла палец, но, конечно, стирать было нечего.

Она поднялась и прошла к столу. На компьютере ещё была открыта папка с иллюстрациями. Ника щёлкнула мышью по файлу, который отправила редактору вчера вечером.

Мальчик стоял посреди пустой площади и смотрел на крышу, до которой не мог добраться. Бумажные киты по-прежнему парили вокруг него.

Ника придвинулась ближе.

Она помнила каждую из четырнадцати синих ступеней. Помнила скол на нижней, тень от перил, неровный край камня. Но на рисунке лестницы не было. Не осталось даже белого контура. Там, где должны были находиться ступени, изображение было совершенно чистым, словно их никогда не рисовали.

Ника открыла предыдущую версию файла. Потом ещё одну. Проверила папку с резервными копиями.

Лестница исчезла везде.

И впервые за много лет, глядя на собственную работу, Ника испугалась не того, что у неё ничего не получится.

Она испугалась, что получилось.

Глава 2. Письмо из сна

Ника проверила файлы ещё раз, хотя на четвёртой попытке уже понимала, что ищет не лестницу, а ошибку в собственных действиях.

Компьютер показывал время последнего сохранения. Вчера, 18:42. Документ был закрыт правильно, автоматическая копия лежала на отдельном диске, в папке с названием «Не удалять даже при пожаре». В облачном хранилище обнаружилась ещё одна версия, загруженная за три минуты до письма редактору. Во всех трёх у мальчика из сказки был один и тот же вид на крышу, одни и те же бумажные киты, одна и та же пустота там, где прежде находилась синяя лестница.

Больше всего Нику возмущала эта пустота. Если бы программа повредила изображение, остались бы артефакты, серые квадраты, обрезанные линии, хотя бы грязные края. Но пространство между мальчиком и крышей было заполнено аккуратно: художница сама так не очистила бы фон за час. Тень от лестницы тоже исчезла.

Она увеличила рисунок до восьмисот процентов и чуть не уткнулась носом в экран.

Ничего.

В девять двадцать пришло письмо от редактора.

«Ника, доброе утро. В третьей иллюстрации, похоже, не хватает важной детали. Мальчик должен подняться на крышу, но идти ему некуда. Посмотрите, пожалуйста. Остальное отлично».

Ника перечитала фразу четыре раза.

Получалось, лестницу видела не только она. Ещё вчера она существовала в файле, который ушёл из её компьютера, и сегодня исчезла там тоже.

Можно было написать, что компьютер сошёл с ума, но работающий компьютер редко бывает хорошим оправданием для работающего редактора. Можно было сказать, что лестница нарочно отсутствует: мол, ребёнок должен вообразить её сам. Это выглядело бы смело, если бы у Ники хватило наглости выдавать собственный ужас за творческий приём.

Она набрала: «Спасибо, проверю и пришлю исправленную версию сегодня».

Отправила. Только потом заметила, что у неё дрожат пальцы.

Зазвонил телефон. Соня.

— Не говори, что ты проснулась в шесть, села рисовать и забыла позавтракать, — начала она без приветствия.

— Я проснулась в восемь.

— Уже прогресс. Голос почему такой?

— У меня пропал рисунок.

— Целиком?

— Деталь.

— Ника, я умею сочувствовать только проблемам, которые можно измерить. Насколько крупная деталь?

— Четырнадцать ступеней. Каменные. Синие.

Соня помолчала.

— Это новое направление в минимализме?

— Это не смешно.

Видимо, по голосу она поняла, что шутки закончились.

— Ладно. Начнём с простого. Ты могла случайно скрыть слой?

— Я проверила слои.

— Экспортируй картинку с другого устройства.

— Сделала.

— Журнал версий?

— Сделала.

— Значит, не трогай ничего больше. После обеда зайду, посмотрю сама.

— Ты работаешь.

— Я умею работать из чужой квартиры. Особенно если там есть кофе и человек, которому нельзя доверять удаление слоёв.

Ника открыла рот, чтобы рассказать о мосте, мальчике и короле. Потом представила, как это прозвучит среди обсуждения цветовых профилей и резервных копий. Ей не хотелось видеть настороженное сострадание на лице подруги. Не сегодня.

— До вечера потерпит, — сказала она.

— Вот и отлично. Ешь.

Соня отключилась.

Ника поставила кофе, но так его и не выпила. Она обвела взглядом комнату: чашка на подоконнике, батарея, обмотанная старыми шнурами, дверь шкафа, которую приходилось придерживать коленом. Всё было на местах. Обычная квартира, обычный четверг, обычный редактор, способный заметить отсутствие лестницы в иллюстрации.

За дверью кто-то протащил по площадке велосипед.

Ника поймала себя на том, что прислушивается не к колёсам, а к звону колокола, которого здесь быть не могло.

Она открыла серый альбом.

На последней странице мост всё ещё стоял между двумя башнями. Часы показывали без семи двенадцать. Карандашные штрихи не изменились. Это был совсем другой рисунок — не та законченная книжная иллюстрация, из которой вчера вышла лестница. Ника положила альбом рядом с компьютером и долго смотрела на оба изображения.

Если у вещей есть цена, откуда она узнала, какую платить?

Ответа не было.

До обеда Ника пыталась заново нарисовать лестницу. Каждый раз получалось не то. У первой были слишком узкие пролёты, вторая не держалась на стене, третья выглядела нарисованной, но никак не построенной. Она помнила каждую ступень и не могла повторить ни одной так, как вчера. Рука словно отказалась доверять памяти.

В два часа пришла Соня с ноутбуком, двумя сэндвичами и видом человека, намеренного победить ошибку силой технического образования.

— Где пострадавший? — спросила она, снимая куртку.

Ника показала экран.

Следующий час Соня работала молча. Заглянула в свойства файла, сверила контрольные суммы, подняла историю синхронизации, скачала приложение редактора из электронной почты Ники. Один раз попросила не дышать над клавиатурой: иначе получалось, что компьютер и вправду испугался.

— В каком месте была лестница? — спросила она наконец.

Ника указала пальцем.

Соня построила поверх картинки прямоугольную сетку.

— Тут нет вырезанного участка, — сказала она. — По крайней мере обычными средствами никто не удалял его из растрового изображения. Фон непрерывный. Смотри: текстура стены тянется за тем местом, где, по твоим словам, стояли ступени. Не подменённый слой — как будто они никогда здесь не были нарисованы.

— Но я их рисовала.

— Верю. Я даже помню, как ты жаловалась на перила.

— Ты помнишь?

Соня подняла глаза.

— Разумеется. Ты прислала мне голосовое, где в течение полутора минут ругала художников, которые считают, что лестницы держатся на романтике.

Впервые за утро Ника ощутила облегчение. Не потому, что нашлось объяснение, — наоборот, ни одного объяснения не было. Но теперь её память не оставалась единственным свидетельством.

— Ты сохранила голосовое?

— Конечно. Когда-нибудь использую его против тебя.

Соня включила запись. Из динамика послышался раздражённый голос Ники: «Я понимаю, что это сказка, но если его лестница будет крепиться к одной стене на честном слове, ребёнок скорее научится падать, чем воображать».

На этом Ника рассмеялась. Нервно, некрасиво, слишком громко.

— Ну вот, — сказала Соня. — Значит, ты не выдумала, что занималась лестницей. А где она делась — вопрос пока открытый.

— Пока?

— У меня есть слово похуже: «аномалия». Но я его не люблю. Обычно после него перестают искать ошибку.

Ника почувствовала, как к горлу поднимается рассказ о городе. Она произнесла:

— Если я скажу что-то очень странное, ты сначала проверишь, а потом решишь, что я сошла с ума?

Соня поставила сэндвич на стол.

— Так мы обычно и работаем.

Ника рассказала только часть. О сне, похожем на чужую жизнь, о мальчике на мосту, о лестнице, которую нарисовала на камне. Про то, что мужчина назвал себя королём, она умолчала. И про фамилию, которую он узнал, тоже.

Пока она говорила, Соня не перебивала. Слушала с тем самым выражением, с каким принимала известия о сломанном сервере: спокойно, но не забывая, что за одной ошибкой может прятаться десять других.

— Я не знаю, как это возможно, — закончила Ника.

— И я не знаю, — сказала Соня. — Однако есть разница между «невозможно» и «мы пока не понимаем, что произошло». Давай не путать.

Она подвинула к себе альбом с мостом.

— А этот тоже из сна?

— Кажется, нарисовала ещё до него.

— Значит, сохраним отдельно. И сегодня не будем ничего больше проверять на людях. Особенно если во сне люди действительно могут пострадать.

— Ты мне веришь?

— Я верю, что ты видела то, о чём рассказываешь. Всё остальное требует доказательств.

На прощание Соня сфотографировала альбом и оставила на столе маленький бумажный блокнот.

— Записывай сразу после пробуждения. Дату, время, людей, что видела. Даже если всё это просто необычно связанный сон, записи помогут отделить воспоминание от домысла.

Когда дверь за ней закрылась, Ника взяла блокнот и написала на первой странице: «Четверг. Вчера: мост, мальчик Тео, мужчина Эйден, разрушение дома, лестница. Незнакомец знает мою фамилию».

Последнюю фразу она дважды подчеркнула.

⁂

К вечеру Ника выяснила две вещи. Редактор соглашался принять исправленную картинку утром, а тётя Жанна не отвечала на звонки.

Первое давало ей ещё несколько часов. Второе раздражало сильнее, чем хотелось признаться.

Она дважды звонила Жанне — сначала после шести, потом после восьми. Тётя обычно отвечала даже из трамвая, даже в продуктовом, даже когда у неё одновременно кипела вода и звонила соседка. Теперь телефон уходил в голосовую почту.

В девять пришло короткое сообщение: «Всё хорошо. Буду занята до завтра. Не подходи к старому мосту».

Ника перечитала его.

Не к воде. Не к мосту.

В первый раз она решила, что Жанна просто встревожилась из-за страшного сна. Теперь поняла: тётя назвала место, которого Ника ей не описывала. Высокий мост с часами — да. Но почему старый? И откуда Жанна знает, что к нему вообще можно подойти?

Ника хотела перезвонить, но телефон Жанны уже был выключен.

В половине двенадцатого она погасила верхний свет, оставив лампу над столом. Перед тем как лечь, положила рядом с кроватью блокнот и карандаш. На странице записала вопросы:

«Почему знает фамилию?»

«Кто был на балконе?»

«Что случилось с Тео?»

«Откуда взялся камень для лестницы?»

«Можно ли выйти по своей воле?»

Последний вопрос казался самым важным.

Она не знала, что именно означает лечь спать с намерением вернуться в определённое место. Ника никогда не умела вызывать сны по заказу. Даже в детстве: если хотелось увидеть море, снился экзамен; если она боялась экзамена — бабушкина кухня, которой давно не существовало.

Она легла, повернулась к стене и представила белёсое небо, башню с часами, мальчика с деревянным ящиком.

Довольно долго ничего не происходило. Сосед наверху переставил мебель. За окном посигналил мотоцикл. Ника успела подумать, что утром будет выглядеть очень глупо перед Соней и самой собой.

А потом привычный шум комнаты отступил.

⁂

Ника стояла под низкой каменной аркой. Впереди уходила узкая улица, незнакомая и всё же принадлежащая тому же городу: на дверях висели таблички из тёмного стекла, под окнами сушились связки трав, а над крышами тянулись тонкие мостики. В отличие от вчерашнего сна, небо было ясным и невысоким, как над площадью после дождя.

На колонне прямо перед ней белел лист бумаги.

Он был приколот медным гвоздём на уровне глаз и совсем не походил на часть городской рекламы. Наверху аккуратным почерком значилось:

«Нике Лавровой.

Если вы вернётесь, пожалуйста, не идите к каналу. Переход нестабилен. Дождитесь человека с серой повязкой на левом рукаве. Он проведёт вас в Зал карт.

Эйден Арвель».

Ника коснулась бумаги. Лист дрогнул от ветра. Ни в чём происходящем не было обещания, что его можно забрать с собой наяву.

— Вот это уже наглость, — произнесла она.

— Что именно? — раздался за спиной мужской голос.

Она обернулась.

Перед ней стоял невысокий старик в тёмной жилетке, поверх которой была повязана серая лента. Под мышкой он держал продолговатый кожаный футляр.

— Я ещё не согласилась никуда идти, а мне уже назначили сопровождающего.

Старик окинул её таким взглядом, будто видел людей, за которыми присылают гораздо менее вежливые записки.

— Моё дело — отвести, если захотите. Не захотите — покажу дорогу обратно к арке. Только не к каналу. Там сегодня и без вас работы хватает.

— А вы кто?

— Ойрен. Картограф при мастерских. Теперь, судя по всему, ещё и нянька для ночных гостей.

Он протянул ей футляр.

Внутри лежали узкие очки с медной оправой и круглые прозрачные линзы.

— Это зачем?

— Чтобы вы увидели обозначения, которых днём там нет. А иначе заблудитесь в трёх поворотах и решите, что вас обманули.

Ника закрыла футляр.

— Я лучше пойду без них.

— Ваше право. Только мосты тут любят меняться местами, когда дрожит граница.

Он пошёл первым, не проверяя, следует ли она за ним. Ника ещё раз посмотрела на письмо и догнала старика.

— Откуда король знал, где я появлюсь?

— Не знал. Записки развесили у пяти старых арок.

— Хорошо устроился.

— Список был длиннее. Я отговорил его от двадцати восьми.

Ника невольно улыбнулась.

Дорога к Залу карт заняла не меньше двадцати минут. Город жил своей ночной жизнью. Из подвальной прачечной выносили мокрые покрывала; на балконе женщина поправляла горшок с красным цветком; мальчишки катили по брусчатке большую деревянную катушку. Никто не обращал на Нику внимания, пока не замечал её обувь. Тогда несколько взглядов задерживались на привычных кроссовках с белой подошвой.

Ойрен знал здесь каждого второго. С пекарем он спорил о стоимости соли, у фонаря остановился спросить о больной дочери, а на мостике через узкую протоку оглянулся и нахмурился: на каменном бортике кто-то свежей краской написал «СНЫ — НЕ НАЛОГ».

— Это про что? — спросила Ника.

Старик поспешно отвёл глаза.

— У нас любят лозунги. Особенно если никто не спрашивает, что под ними подразумевают.

— А я спрашиваю.

— Тогда вам лучше спросить у тех, кто пишет.

Он ускорил шаг.

В конце улицы открылся двор, окружённый галереями. Сквозь высокие окна в них пробивался мягкий зелёный свет. Над воротами висела медная табличка: «Зал карт». Ника прочитала её с удивительной лёгкостью. Буквы были незнакомые, но смысл складывался сам, как если бы язык Лиорна некогда был её родным и лишь долгое время оставался забытым.

У дверей стояла та самая женщина в кожаной куртке, которую Ника видела у разрушенного моста.

— Мэйра, — представилась она, не дожидаясь вопроса. — Начальница стражи. Государь просил передать, что вы свободны отказаться от разговора и уйти в любой момент.

— Вы скажете мне, как именно уйти?

— Если знать надёжный способ, мы бы сообщили вам первыми, — ответила Мэйра. — Но удерживать здесь вас никто не намерен.

— Очень обнадёживает.

Мэйра не обиделась.

— Я предпочитаю говорить то, что проверено.

Это Нике понравилось больше, чем письмо на колонне.

⁂

В Зале карт пахло холодным воском, пергаментом и мокрой шерстью. Под потолком висели десятки стеклянных шаров с тонкими медными дугами внутри. На столах лежали планы улиц: некоторые были прошиты красными нитками, другие покрывали серые заплаты. У дальней стены двое писцов отмечали что-то в больших книгах, споря шёпотом.

Эйден стоял у карты города. На нём была белая рубашка без украшений и тёмный жилет, рукава закатаны до локтей. На правой руке Ника заметила длинную полоску красноты, которой вчера не было.

Он повернулся прежде, чем она успела подойти.

— Вы вернулись.

— Кажется, ваше письмо сработало.

— Я не был уверен, что вы сможете прочесть его.

— Вы сомневались в моей грамотности?

— В том, что переход закрепится после вчерашнего обрушения.

Он указал на кресло, но Ника осталась стоять.

— Давайте договоримся, — сказала она. — Никаких загадок ради впечатления. Я не знаю, почему здесь оказалась, но знаю, что, когда проснулась, из моего рисунка исчезла лестница. Не с одного файла — со всех. И ваш мальчик оказался настоящим настолько, что мне до сих пор трудно смотреть на кровать и не думать о том, кто останется здесь, когда я снова исчезну.

Эйден выслушал её, не перебивая.

— Тео жив, — сказал он прежде всего. — Порезал руку о зубец часового механизма. Мэйра отвела его к лекарю. Утром он вернулся к наставнику и, насколько мне известно, был наказан за то, что пошёл через закрытый мост.

— Отлично. Значит, учитель всё-таки нашёл за что ругаться.

— Он попросил передать вам благодарность.

Всё это звучало слишком буднично для рассказа о сновидении. Ника села в кресло, которое минутой раньше отказалась занять.

— Что произошло с лестницей?

Эйден посмотрел на карту, словно выбирал место, с которого легче начать.

— То, что вы здесь видите, не сон в обычном смысле, — сказал он. — Ваше тело остаётся там, где вы легли. Но часть вас проходит через границу и получает здесь видимую, осязаемую форму. Мы называем это сонным коридором.

— Отсюда слово «сон»?

— Отсюда. Коридор не переносит вашу одежду или вещи из дома, даже если вам кажется, что вы в них. Здесь создаётся образ, достаточно устойчивый, чтобы ходить, говорить, чувствовать холод. Однако он зависит от связи с вашим телом по ту сторону.

— Если я упаду в канал?

— Я бы предпочёл, чтобы вы не проверяли.

— А если всё-таки?

Эйден помолчал.

— Обычное пробуждение может оказаться невозможным. Некоторые люди после тяжёлого повреждения сонного образа не приходили в себя в собственном мире.

Ника почувствовала, как холодеют ладони.

— То есть вы называете это опасным экспериментом и всё равно просите меня прийти?

— Я не звал вас сюда вчера. И сегодня не могу управлять тем, где вы заснёте. Письмо оставил только после того, как вы уже однажды оказались здесь. Мне нужно было предупредить вас о риске.

— Как благородно.

Он принял колкость без улыбки.

— Не вполне. Я действительно хочу просить вас о помощи.

— Сначала расскажите про рисунки.

Эйден взял чистый лист, поставил его на стол и начертил короткую прямую.

— Ваш дар работает с формами, которые вы уже создали в своём мире. Если здесь есть материал и опора, вы можете провести знакомый вам образ через границу. Но из картины исчезнет именно тот фрагмент, который вы воплотили.

— Исчезнет из всех копий?

— Из той работы и её продолжений. Ваши новые рисунки останутся новыми. Здесь не пишут поверх будущего. Мы только расходуем то, что уже было закончено.

Ника вспомнила облачную папку, редактора, невозможную чистоту изображения.

— А камень для лестницы?

— На мосту осталась старая опора. Вы перестроили часть кладки, почти разобрав её по волокнам. Поэтому я остановил вас. Если бы вы взяли ещё немного из несущей стены, разрушение могло дойти до берега.

Ника закрыла глаза. Она помнила, как ступени выдвигались из опоры, как дрожал парапет.

— Значит, я могла убить тех, кого пыталась спасти.

— Могли. Но не убили. В следующий раз я хотел бы, чтобы рядом с вами был строитель.

В словах не было утешения, и Ника была этому благодарна.

— Почему город разваливается?

— Вот это, — сказал Эйден, — вопрос, на который я ищу ответ много лет.

Он подвёл её к карте. Вокруг центральных кварталов шли тонкие чёрные круги; несколько улиц были перечёркнуты, будто планировщик решил вычеркнуть их из жизни.

— Каждый год у нас исчезает часть устойчивых форм, — продолжил Эйден. — Сперва блекнут краски и стираются мелкие детали. Потом ослабевает связь материалов. Камень теряет вес. Железо забывает, как держать нагрузку. Иногда разрушение можно предсказать по измерениям, иногда — нет. И всякий раз мы теряем людей.

— Это происходит по всей стране?

— На окраинах чаще. К столице волна подбирается только сейчас.

— А почему люди вчера стояли на площади, словно ждали?

— В том квартале уже был объявлен осмотр. Мы закрыли мост за два часа до обрушения, но кто-то успел пройти через заграждение.

— Тео.

— И не только он.

Ника посмотрела на линию, перечёркивающую вчерашнюю улицу. Эйден по-прежнему не сказал, куда исчезла женщина с балкона.

— Вы были на мосту потому, что осматривали опасный район?

— Да. И потому, что мне показали жалобы жителей. Хотел понять, почему цифры в докладе не совпадают с тем, что они видят собственными глазами.

— Неужели короли читают жалобы?

— Некоторые. Обычно после того, как другие способы узнать правду перестают работать.

Ника заметила, что у края карты лежал маленький синий камень. Он был похож на ступень, которую она создала, только гораздо тоньше. Эйден проследил за её взглядом.

— Это не часть вашей лестницы. Образец с другого участка. Мы пытались понять, почему одни формы сохраняются, а другие рассыпаются за считаные минуты.

— И чего добились?

— Научились записывать поражения, — ответил он.

Впервые Ника услышала в его голосе не власть, а усталость.

⁂

Ночь подходила к концу. За высокими окнами свет менялся: звёзды не исчезали, но становились бледнее, словно их протирали влажной тканью.

Эйден предложил показать Нике комнату, где можно безопасно дождаться возвращения. Она отказалась, пока не услышит ответа на главный вопрос.

— Откуда вы знаете, кто я?

Он задержал взгляд на её лице.

— В старых архивах есть ваше имя.

— Любопытно. Я вчера здесь впервые.

— Вы впервые помните, что были здесь.

Ника почувствовала, как под ложечкой проваливается пол.

— Что это значит?

— В этом городе прежде существовали переходы. Люди приходили из вашего мира не только во сне. Большинство было мастерами. Некоторые приезжали семьями. После катастрофы все пути закрылись.

— И я одна из них?

— У меня нет права утверждать это, пока мы не сверим записи. Но ваш дар необычен. Он совпадает с описанием очень старой школы.

— Вы произнесли мою фамилию прежде, чем я сказала о даре хоть слово. А теперь предлагаете не делать выводов?

Эйден отвёл взгляд.

— Вы правы. Я знаю больше, чем сейчас рассказываю.

Она резко поднялась.

— Тогда разговор закончен.

— Ника.

— Нет. Вы не можете сначала попросить меня помочь вашему городу, потом сообщить, что я здесь уже бывала, и в конце решить, какую часть моей собственной жизни мне позволено узнать.

Она дошла до дверей, но на пороге обернулась.

— Если хотите, чтобы я вернулась, приготовьте не новую записку, а правду.

Мэйра стояла в коридоре и делала вид, что внимательно изучает расписание смен. Когда Ника прошла мимо, капитан спросила:

— Вам показать арку?

— Вы обещали, что никто не будет меня удерживать.

— Обещала. И слово держу.

Они вышли во двор. Ника ожидала, что Эйден догонит её, но никто не появился. Это почему-то разозлило ещё больше. Она не хотела, чтобы её останавливали, и всё же злилась на то, что он не попытался.

У ворот Мэйра протянула сложенный лист.

— Это схема безопасного пути от арки к Залу карт. Обычная бумага. Возьмите — на эту ночь пригодится.

— А утром?

— Утром она останется в Лиорне. Но дорогу вы можете запомнить.

Ника взяла схему. На обороте незнакомой рукой были написаны три слова. Она прочитала их, хотя буквы опять показались странными:

«Не входите одна».

— Кто это написал?

Мэйра нахмурилась.

— Я брала чистый лист.

Она развернула бумагу. На её лице впервые мелькнул страх.

— Идёмте, — тихо произнесла капитан. — Здесь слишком открыто.

Но Ника уже почувствовала знакомое отступление звуков. Площадь и ворота начали терять очертания. Мэйра ещё держала конец бумаги, когда Ника выпустила её.

На этот раз не было ни звона, ни падения. Просто воздух стал лёгким, как после долгого выдоха.

⁂

Она проснулась в семь сорок пять. На подушке лежал блокнот, открытый на странице с вопросами. Ника не помнила, чтобы брала его в постель, но вполне могла сделать это перед сном.

Схемы Мэйры не было. Ни клочка бумаги из Лиорна, ни следа медной пыли. Зато Ника прекрасно помнила путь через квартал, запах хлеба у арки и три слова на обороте листа.

Она записала всё, пока образы не поблекли.

Потом посмотрела на телефон.

От Жанны пришло сообщение, отправленное в пять минут второго ночи:

«Не доверяй королю только потому, что он знает твоё имя».

Ника перечитала его трижды, прежде чем набрать ответ:

«Откуда ты знаешь, что там есть король?»

Глава 3. Квартал без цвета

Тётя Жанна ответила только к обеду.

«Поговорим в воскресенье. Сейчас не по телефону».

Ника поставила чашку на стол так резко, что чай выплеснулся на рисунок. На бумаге расползлось бледно-коричневое пятно, и ей вдруг показалось, что это самое честное происшествие за последние два дня: пролила чай — получила пятно. Ника могла объяснить это любому человеку. Не требовались короли, городские разломы и сверхъестественные способы редактирования файлов.

Она набрала Жанне длинное сообщение, стёрла. Набрала другое. В итоге отправила: «В воскресенье приду. Но хватит говорить загадками. Я взрослая».

Три точки ответа появились, исчезли, появились снова.

«Я знаю», — написала Жанна.

К вечеру Ника успела переделать иллюстрацию. На новой картинке вместо лестницы стояла крутая деревянная лестница-стремянка — намеренно совершенно другая, с пятнами старой краски и железными скобами. Она не хотела, чтобы в Лиорне возникло даже случайное искушение вспомнить готовый образ. Редактор ответил: «Вот так лучше. Спасибо».

Ника смотрела на эту фразу, испытывая смешанные чувства. Она привыкла считать редактуру обычной частью работы, иногда мучительной, но необходимой. На сей раз замечание о пропавшей лестнице было похоже на доказательство преступления, которое никто, кроме неё и Сони, не считал преступлением.

Соня позвонила около восьми.

— Ты сегодня как?

— На четвёрку. По десятибалльной.

— Тогда не бери новые заказы. И не пытайся повторить этот фокус с исчезновением картинок без свидетелей.

Ника улыбнулась.

— Ты уже называешь его фокусом?

— Фокус — это название, пока мы не установили механизм. Если выяснится, что у тебя телепатическое соединение с чужим измерением, переименуем. Не забудь, что я сказала о журнале.

— Заполняю.

— Хорошо. И отдельно пиши, чего не знаешь. Это важнее, чем кажется.

Ника открыла блокнот и по совету подруги вывела на новой странице два заголовка: «Видела» и «Предполагаю».

К первому отнесла спасение Тео, Зал карт и невозможную записку на обороте схемы. Ко второму — всё остальное: что король действительно правитель, что город не выдуман, что Жанна знает о его существовании, что исчезновение рисунка было платой за магию, а не совпадением.

Прочитав получившееся, она обнаружила: предположений почти вдвое больше, чем наблюдений.

«Неудивительно, что страшно», — подумала Ника.

На работу времени уже не оставалось. Она немного посидела у окна, следя за людьми на тротуаре. Внизу соседка выгуливала старую собаку; через дорогу в парикмахерской выключили вывеску; на верхних этажах зажглись привычные квадраты света.

Вечером хотелось не приключений, а нормальности. Ника даже почти решила не ложиться до утра, лишь бы не открывать снова незнакомую дверь.

Но потом вспомнила слова Эйдена о пропавших людях и женщину с балкона, у которой исчезла дверь.

Поступить так было бы просто. Притвориться, что ничего не произошло, отрисовать ещё десять иллюстраций, привыкнуть к собственному молчанию. А в том городе остались люди, чью судьбу нельзя было отменить выключением света.

Она легла в одиннадцать.

⁂

На этот раз никакой арки не было.

Ника появилась на мощёной террасе над городом, у стены, выложенной белыми и чёрными камнями. До края оставалось достаточно места, но после истории с мостом она отступила на два шага прежде, чем посмотрела вниз.

Лиорн раскинулся в туманной долине. Башни уходили вверх неровными рядами, похожими на пальцы ладони, которая пыталась удержать небо. На востоке едва светились каналы. Несколько мостов были подсвечены огнями, и ни один не казался таким надёжным, как должен был бы.

— Вы снова появились не там, где ожидали, — сказала Мэйра.

Капитан стояла у двери в круглую лестничную башню. Сегодня на ней не было кольчуги, только короткая куртка, широкие штаны и сапоги с потертыми пряжками.

— Значит, вы уже привыкли ловить меня по всему городу?

— Не совсем. Мы поставили людей возле старых арок и на двух площадках. Эта оказалась рабочей.

— Кто решает, где рабочая?

— Сегодня — никто. Завтра, может быть, объяснят мастера.

Мэйра сказала это так, будто и сама давно устала от ответов, похожих на расписание несуществующего поезда.

Они спустились по узкой лестнице, выйдя к крытому переходу. Ника заметила, что в отличие от вчерашнего дня Мэйра не пытается вести её во дворец.

— Куда мы идём?

— В Нижний квартал. По вашему же вопросу.

— Какому из десяти?

— Почему город разрушается. Там сегодня можно посмотреть, прежде чем кто-нибудь скажет, что достаточно посмотреть на карту.

У перехода их ждал Эйден.

Ника узнала его по привычке стоять немного в стороне от людей, которым он отдавал распоряжения. Рядом с ним было двое носильщиков с ящиками инструментов и широкоплечая женщина в шерстяном плаще. Она держала свёрнутые чертежи, перетянутые красным шнуром.

— Это мастер Верал, — представил король. — Она отвечает за укрепление домов на восточной границе квартала.

— Если говорить точно, — вставила женщина, — я отвечаю за то, что уже три месяца должно было быть закрыто.

Эйден не возразил.

Ника посмотрела на него.

— Хорошо. Тогда сегодня вы показываете мне правду?

— Сегодня я показываю то, что вижу сам.

— Это не одно и то же.

— Знаю.

Он произнёс это без обиды. Ника решила пока оставить разговор на этом.

⁂

Они вошли в квартал через длинный крытый проход. Сначала он ничем не отличался от вчерашних улиц. Под ногами лежал песчаник, за решётками маленьких садов росли низкие кусты, из окон тянуло жареным луком.

Затем Ника заметила цвет.

Вернее, отсутствие цвета.

На фасаде одного дома висел выцветший ковёр. Рядом, на верёвке, сушилось зелёное платье; у нижнего края зелень оставалась яркой, а выше ткань становилась серой. На стене кто-то нарисовал красную птицу. Половина её крыла была кирпичного цвета, половина — почти белой.

В этой бледности не было ничего похожего на старение краски. Границы потери цвета проходили через ткань, камень и дерево с одинаковой беспощадностью.

— Что это? — спросила Ника.

— Первая стадия, — ответила Верал. — Обозначения и оттенки уходят раньше формы. Потом перестаёт держаться поверхность. Иногда месяцами ничего не меняется. Иногда достаточно одного утра.

Она остановилась у стены, приложила к ней деревянный молоточек. Звук вышел глухим и коротким.

— Видите? — сказала мастер. — Кирпич ещё здесь. Но его собственная тяжесть уже неправильная. Он либо держится крепче, чем должен, либо в один момент забывает о сцеплении с соседним.

— Вы говорите о камне так, словно он может помнить, — заметила Ника.

— А как ещё назвать то, что происходит? — спросила Верал. — Если бы знала, назвала бы по-другому.

Через несколько домов к ним вышла женщина с корзиной. Её лицо было красным от холода, из-за спины выглядывала маленькая девочка с двумя косами.

— Вы из дворца, — сказала женщина, глядя не на Эйдена, а на Мэйру. — Нас опять будут переселять?

— Обследуем улицу, — ответила капитан. — Если будет риск, дадим время собраться.

— В прошлый раз дали сорок минут.

Эйден шагнул вперёд.

— Назовите вашу улицу.

— Мельничная. Дом двенадцать.

— И имя.

— Рута.

Он повторил имя, будто стараясь запомнить. Женщина посмотрела на его лицо и внезапно опустила корзину.

— Вы…

— Да, — сказал он. — Но сейчас я здесь не для того, чтобы просить у вас благодарности.

Рута рассмеялась очень коротко и совсем не весело.

— Благодарности? А дочь куда мне вести, государь? В казарму? Там нет отопления. У моей матери после переселения руки перестали разгибаться от холода.

Эйден повернулся к Мэйре.

— Почему на Мельничной не назначили постоянный дом для переселенцев?

— Запрос подан десять дней назад, — сказала та. — Канцелярия вернула его без отметки о финансировании.

Верал шумно выдохнула.

— У меня бригада из шести человек, — добавила она. — На квартал с тремястами дворами. А бумаги ходят быстрее строителей.

Ника не вмешивалась. Она слушала, как меняется лицо Эйдена, когда он слышит то, что раньше пряталось в отчётах. Не смущение: скорее напряжённая попытка удержать сразу несколько неприятных фактов и не переложить ни один на подчинённых.

— Где свободная школа? — спросил он.

— На Песочной, — ответила Мэйра. — Но там нет крыши над третьим крылом.

— Отправьте бригаду на крышу сегодня. Места для семей подготовить до конца недели. Условия и список помещений выложить на площади.

Рута подняла подбородок.

— Вы можете приказать. А мы как узнаем, что не забудут?

Эйден снял с пальца печатное кольцо и протянул Мэйре.

— Оставьте его с распоряжением. Проверю лично.

— И лучше подпишите при свидетелях, — тихо сказала Ника.

Он повернулся к ней.

— Вы считаете, я не выполню слово?

— Я считаю, что у вас слишком много дел, чтобы надеяться на память одного человека.

Несколько секунд Эйден молчал. Затем взял из рук Верал карандаш, написал распоряжение на обороте её ведомости и поставил подпись. Рута взяла бумагу двумя руками, не кланяясь.

Они пошли дальше.

— Вы слишком быстро даёте советы, — сказал Эйден, когда дома скрыли их от чужих глаз.

— А вы слишком долго работали без них.

Верал кашлянула, скрывая улыбку. Мэйра даже не пыталась.

⁂

Беда началась на Короткой улице.

Сначала заскрипела вывеска над пекарней. Потом от стены отделился узкий кусок штукатурки и завис в воздухе — не упал, а словно не решил, куда именно должен двигаться.

Верал подняла голову.

— Всем выйти из дома! — крикнула она так громко, что несколько окон распахнулись сразу. — На улицу, к северной площади! Без вещей!

Из пекарни выбежал мальчишка с мешком муки. За ним — старик в фартуке и женщина, державшая маленькую собаку под мышкой. Ника увидела, как под карнизом исчезла узкая полоска стены. Изнутри обнажились деревянные балки.

— Крыша, — сказала Верал. — Если уйдёт опора, её сорвёт на соседний дом.

Два носильщика бросились к воротам двора. Мэйра направила стражников в соседний переулок, чтобы вывести людей с задних дверей. Эйден уже помогал старику пройти через разбросанные корзины.

Ника оставалась на месте, оценивая расстояния.

На стене под карнизом был выступ — не выше её колена. Если бы к нему подвести косую распорку, она удержала бы край балки достаточно долго для эвакуации. В настоящем мире так ставили временные подпорки при ремонте старых домов. Ника видела их десятки раз и даже рисовала для календаря о городских ремёслах: толстая деревянная стойка, металлическая пятка, верхняя вилка с двумя скосами.

— Верал! — позвала она. — У вас есть стойки?

Мастер обернулась на бегу.

— Две в тележке. Но короткие.

— Подведите к выступу. Я могу изменить форму верхушки.

— Дерево не вытянется на полметра само.

— Мне и не нужно полметра. Нужна вилка, которая зажмёт балку без удара.

Верал прищурилась, мгновенно поняв задачу.

— Если вырежем скос здесь и подпустим клин снизу — возможно.

Она позвала носильщиков. Те выволокли две деревянные стойки, стянутые железными полосами. Одна оказалась короче другой на ладонь. Ника коснулась древесины: холодная, плотная, с крупными сучками. В голове возник старый рисунок из календаря, который висел у неё дома на полке среди оттисков.

Но прежде чем рисовать, она спросила:

— Если стойка не выдержит, куда упадёт балка?

Верал ткнула пальцем в угол двора.

— На пустую кладовую. Не на людей. Только сначала надо убедиться, что там никого нет.

Мэйра ушла проверять кладовую.

Эйден подошёл ближе.

— Вы можете это сделать?

— Не знаю, — сказала Ника. — Зато знаю, чего делать нельзя.

Она показала на фундамент под выступом.

— Нельзя забирать камень из этой стены. Тогда мы просто передвинем обрушение в другое место.

Верал одобрительно кивнула.

— Будем работать с древесиной. Её принесут отдельно.

Ника не пыталась рисовать на самой стойке: линия, нанесённая по влажному дереву, расплывалась. Верал принесла уголь и чистую деревянную дощечку. Ника набросала простую схему вилки, повторяя форму, которую уже когда-то закончила в календарной иллюстрации. Там она прорисовала каждый скос, крепление железной пятки, даже неровную ручку клина.

Дерево вздрогнуло под её пальцами.

На миг Ника почувствовала сопротивление, словно пыталась согнуть слишком толстую ветку. Вилка на верхушке стойки стала шире, а сама древесина — ниже по кромке. Материал ниоткуда не возникал; он перераспределялся, оставляя грубую стружку и тонкую, точно сточенную полосу вдоль боковой стороны.

— Достаточно! — резко сказала Верал.

Ника отняла руки.

— Что?

— Ещё чуть-чуть, и уберёте слишком много волокон у основания. Тогда она согнётся там, где должна быть крепкой.

Они вставили стойку под балку, подбили нижний клин. Вторая упёрлась в выступ, не давая первой уходить в сторону.

Крыша затрещала. Ника отступила.

Из пекарни выбежала последняя женщина с ребёнком. Вслед за ней выскочил стражник, волоча тяжёлую сумку, которую хозяева так и не согласились бросить.

— Всё, — крикнула Мэйра. — Люди вышли!

Балка над пекарней просела. Дерево распорки натянулось, казалось, до предела, потом выдержало. Куски штукатурки падали на пустой двор, но главная часть крыши осталась на месте.

Ника услышала, как Верал выдохнула и произнесла несколько слов, значение которых ей не подсказал даже странно знакомый язык Лиорна. По интонации это были не благодарности.

— Хороший инженер, — сказала мастер, оглядывая Нику. — Плохой самоучка.

— Спасибо, — ответила та. — По моим меркам это комплимент.

Эйден смотрел на стойку, потом на рисунок у неё в руках.

— Вчера вы создали лестницу, сегодня удержали крышу. Для человека, который уверен, что ничего не понимает в нашем мире, вы умеете находить полезное применение дару.

— Я создала не крышу. Я сделала верхушку для доски. Остальное сделали они.

Она кивнула на Верал и носильщиков.

— Не нужно забирать у людей работу только потому, что вы нашли человека с необычным карандашом.

На этот раз король не стал спорить.

⁂

Пока Мэйра составляла список жильцов, Ника сидела на ступеньках закрытой пекарни и ждала, пока перестанет дрожать голова.

Выполненное изменение оказалось небольшим. Но усталость пришла не в мышцы — где-то внутри зрения. Тёмные края двора казались слишком яркими, а свет — густым.

Эйден опустился на ступень ниже.

— У вас болит голова?

— Терпимо. В моём мире за такие головные боли обычно расплачиваются дедлайнами.

Он явно не понял последнего слова. Ника перевела его на доступный язык:

— Сроками, которые надо выдержать, даже если очень не хочется.

— Знакомо.

Между ними установилось короткое молчание. Рядом Верал спорила с хозяином пекарни о том, что для новой опоры потребуется железо, а денег в казне может и не оказаться. Хозяин отвечал, что сможет заплатить половину из своих накоплений, если ему позволят снова открыть печь до зимы.

— Почему она осталась без цвета? — спросила Ника, кивнув на птицу на соседней стене.

— Это не одинаковая для всех вещей болезнь, — сказал Эйден. — Есть разные объяснения. Наши мастера спорят, что именно разрушается первым: форма, память о ней или энергия, которая удерживает одно возле другого.

— А ваше объяснение?

— Я думаю, мы слишком долго пытались поддерживать то, чего уже не понимали.

Она взглянула на него.

— Звучит как начало честного разговора.

— Не обольщайтесь. До конца его мы ещё не дошли.

Ника хотела расспросить о резервуарах, о лозунге на стене, о том, что означают слова «сны — не налог». Но после двух ночей в Лиорне у неё возникло правило: сначала выяснять то, от чего прямо сейчас зависит чья-то жизнь, и лишь потом — то, что красиво звучит в разговоре.

— У вас есть список домов, которые уже обследованы? — спросила она.

Эйден кивнул.

— И жители имеют к нему доступ?

— Обычно нет. Там предварительные сведения.

— Значит, люди не знают, где опасно?

— Если опубликовать все оценки, часть населения бросится уезжать одновременно. Может начаться давка, мародёрство, паника.

— А если не публиковать — они будут стоять у стен, не зная, какой может исчезнуть завтра.

Он провёл ладонью по колену, оставив на ткани светлый след пыли.

— Вы считаете, предупреждение всегда лучше молчания?

— Нет. Я считаю, что можно предупредить без того, чтобы делать вид, будто у людей нет разума. Показать степень риска. Назначить сбор. Дать время и место для вещей. И сказать, что вы не знаете, как это остановить. Люди переживут отсутствие правильного ответа. Труднее пережить отсутствие вопросов, на которые им позволено отвечать.

Эйден посмотрел на неё так пристально, что Ника испугалась, не сказала ли что-то слишком резкое. Потом он поднялся.

— Мэйра, — позвал он.

Капитан подошла, держа доску со списком жильцов.

— На завтра назначить открытый сход по Нижнему кварталу, — сказал король. — С показом карты обследований. Пусть мастера объяснят, где можно оставаться и почему. И составят отдельный список свободных помещений для переселения.

— Канцелярия будет возражать, — заметила Мэйра.

— Пусть возражает письменно.

Она кивнула, и Ника увидела в её взгляде короткое одобрение.

⁂

На обратной дороге лил мелкий дождь. Не такой, как в Яви: капли здесь светились на концах, когда падали сквозь свет фонарей.

Эйден шёл рядом, без свиты. Мэйра осталась в квартале с бригадой, а Верал отправилась искать железо. Ника заметила, что возле карниза, с которого несколько часов назад исчезала штукатурка, теперь висела простая доска: «Опасно. Подходить запрещено до ремонта».

— Наконец честная надпись, — сказала она.

Эйден усмехнулся.

— Вы сами всё превращаете в надписи.

— Работа такая. Людям надо показывать, что где находится.

Они остановились у маленького каменного мостика. Внизу текла тёмная вода, настоящая на вид, с тяжёлыми кругами от дождя. Ника вспомнила предупреждение Жанны и не стала подходить к краю.

— Ваши родители были художниками? — спросил Эйден.

Вопрос застал её врасплох.

— Мама рисовала. По крайней мере, так мне говорили. Я почти не помню её работы. Отец был мастером, но каким — не знаю.

— А кто вас воспитал?

— Тётя. Почему вы спрашиваете?

Он посмотрел на воду.

— Потому что некоторым людям умение создавать форму достаётся не от учителей.

— Опять загадки.

— Боюсь, пока да.

— Тогда не спрашивайте о семье, если не готовы говорить о том, что знаете.

Она отвернулась и пошла дальше. Эйден не последовал за ней сразу. Когда догнал, они прошли целую улицу молча.

У старой арки, где накануне висело письмо, Ника остановилась.

— Вы можете попросить меня приходить сюда каждую ночь, — сказала она. — И я, возможно, приду. Из-за Тео. Из-за Руты. Из-за людей, которым нужна крыша. Но за этим не скрывается согласие доверять вам.

— Я понимаю.

— Пока что не похоже.

Он сжал губы.

— Тогда мне придётся научиться показывать это лучше.

Ника оглядела его: мокрые волосы, измятый ворот рубашки, следы пыли под ногтями. Вчера он был незнакомцем у обрушенного моста. Сегодня он собственными руками помогал вытаскивать из пекарни мешки муки и подписывал распоряжение для женщины с ребёнком. Это не делало его честным. Но делало не таким простым, как хотелось думать.

— Скажите хотя бы одно, — попросила она. — Вчера на схеме у Мэйры появились слова «Не входите одна». Кто мог их написать?

Эйден остановился.

— Какие слова?

Она повторила.

Он не сказал, что это невозможно. Вместо этого быстро посмотрел вверх, на камни арки, и провёл пальцем вдоль едва заметной трещины.

— Иногда старые коридоры сохраняют чужие следы, — произнёс он.

— Что это означает?

— Я хотел бы знать.

Слишком уж искренне прозвучало последнее слово, чтобы принять его за отговорку.

Ника почувствовала привычное отступление звуков. Где-то далеко стукнула дверца, капля дождя застыла в воздухе перед её лицом — и улица медленно растворилась.

⁂

Утром на полке стоял календарь, который Ника нарисовала два года назад для маленького издательства.

Она открыла страницу с мастерской. Там, у края старого здания, стояли два плотницких козла и косая деревянная стойка. Верхняя её часть теперь представляла собой бессмысленно обрубленный прямоугольник. Железная пятка осталась, клин остался, даже тень от дерева ложилась на землю, но вилка, которую Ника использовала, исчезла.

На этом рисунке отсутствие детали было небольшим. Почти незаметным.

И всё же Ника почувствовала тяжесть, будто потеряла вещь, которую рассчитывала хранить всю жизнь.

Она сфотографировала страницу, закрыла календарь и написала Соне:

«Ты права. Нужен журнал. И, кажется, нам придётся придумать опыт, в котором никто не пострадает».

Глава 4. Свидетель наяву

Соня пришла с рулоном кальки, переносным жёстким диском и огромным пакетом с продуктами.

— Прежде чем ты что-нибудь скажешь, — объявила она с порога, — у меня есть три условия. Первое: сегодня ешь нормальный ужин. Второе: если собираешься в свой город, не подходи к трещинам и мостам. Третье: мы не называем результат доказанным, пока не поймём, что именно проверяли.

Ника забрала пакет.

— У меня тоже есть условие. Если я начну говорить с лампой, ты остановишь меня прежде, чем я расскажу ей о твоих бывших.

— Поздно. Лампа уже в курсе.

Соня прошла в мастерскую, оглядела пространство и тут же открыла окно. От засохших кистей и вчерашнего кофе пахло так, словно здесь работала небольшая типография, забывшая правила пожарной безопасности.

— Покажи, что случилось с календарём, — сказала она.

Ника принесла старый отрывной календарь и положила перед подругой открытым на странице с мастерской. На рисунке были плотницкие козлы, рабочий в красной шапке и грубая деревянная подпорка. Её верхушка теперь заканчивалась прямоугольным обрубком. По рисунку было видно, что так конструкция не могла удерживать балку.

— Я не знаю, помнишь ли ты этот рисунок, — сказала Ника. — Два года назад мы выбирали обложку проекта, ты говорила, что я трачу слишком много времени на технические детали.

— Помню. И по-прежнему так считаю.

Соня быстро перелистала остальные страницы, затем вернулась к нужной.

— Вилка была вот тут?

— Да.

— В исходном эскизе тоже исчезла?

— И в печатной копии, и в архивной. Изменилось всё, что было сделано из той же картинки. Другая иллюстрация с похожим столбом осталась прежней.

Соня провела пальцем по бумаге.

— Если исключить фантастику, это невозможно. Бумага не может перепечатать себя спустя два года, не оставив следов.

— Я решила, что тебе понравится.

— Мне совершенно не нравится. Я хочу понять, где кончается неизвестное и начинается опасное.

Ника достала блокнот. За последние двое суток он заметно располнел: она вкладывала между страницами отдельные записки, копии сообщений Жанны, распечатку письма редактора и собственные зарисовки увиденных в Лиорне улиц. Последние Ника старательно отделяла от старых работ. Эйден говорил, что магия использует только уже завершённую форму. Ей совсем не хотелось случайно превратить в камень ещё один рисунок.

— Сначала попробуем безопасно, — сказала она. — Без людей и зданий.

Соня разложила на столе лист бумаги.

— Определим вопрос. Может ли конкретный фрагмент законченной иллюстрации исчезнуть в тот момент, когда ты используешь его в Лиорне? Не через сутки после, не «кажется, его не было», а прямо на глазах у независимого наблюдателя.

— У тебя?

— У меня. Твои воспоминания из сна важны, но я хочу увидеть что-нибудь наяву.

— А если не получится?

— Тогда мы узнаем, что условия были неправильными. Это тоже результат.

Ника открыла папку со старыми иллюстрациями, на этот раз выбирая не красоту, а конструкцию.

Остановилась на рисунке маленького портового домика. Над дверью висел фонарь, подвешенный на латунном крюке с круглым основанием и двумя винтами. Домик она рисовала для путевого дневника, выпущенного небольшим тиражом. Крюк занимал меньше ладони, но Ника помнила, как долго мучилась с его креплением: воображаемый морской ветер требовал настоящего металла, даже на бумаге.

— Вот это, — сказала она.

Соня приблизила изображение.

— Всего лишь крюк.

— Именно поэтому. В том городе они должны найти кусок меди или латуни и место, где можно закрепить деталь без нагрузки. Я изменю её форму. Если у меня выйдет — крюк пропадёт здесь.

— А если металла нет?

— Тогда ничего не делаю.

Соня кивнула. Это её устроило.

Следующий час они составляли правила эксперимента, как школьницы, слишком серьёзно воспринимающие лабораторную работу. Записали время, имена свидетелей, положение предметов, размер крюка на исходном рисунке. Соня открыла файл на ноутбуке, распечатала копию и положила рядом старый бумажный экземпляр путевого дневника.

Ника взглянула на стол, заставленный одинаковыми домиками, и почувствовала головокружение.

— Удивительно, что раньше я считала печать самым странным способом перенести рисунок в другой мир.

— Это не другой мир. Это тиражирование, — сказала Соня. — И не отвлекайся. Ты не сможешь принести оттуда крюк, верно?

— Нет. Всё, что я брала там в руки, остаётся там, когда просыпаюсь.

— Прекрасно. Значит, мы не пытаемся выдать исчезновение за перенос предмета. Один эффект — один опыт.

Она наклеила на край стола жёлтую бумажку: «НЕ ПУТАТЬ ВИДЕЛА И ДУМАЮ».

Ника решила оставить её навсегда.

⁂

В одиннадцать вечера Соня сварила макароны. Они ужинали на полу, потому что рабочий стол был полностью занят экспериментом.

— А этот Эйден? — спросила Соня, накручивая пасту на вилку. — Ты о нём говоришь так, будто он начальник строительной инспекции, а не король.

— Он и ведёт себя как человек, которому приходится постоянно инспектировать собственные ошибки.

— Красивый?

Ника подавилась водой.

— Я тебе рассказываю о городе, который разрушается, а тебя интересует, красивый ли король?

— Я умею уделять внимание нескольким катастрофам одновременно.

— Нормальный. Высокий. Усталый.

— Три прилагательных. Значит, красивый.

— Соня.

— Ладно, ладно. Не сердись. Ты ведь не говорила ему, что я существую?

— Нет. И не собираюсь, пока не пойму, кому там можно доверять.

Соня на мгновение перестала улыбаться.

— Разумно. И ещё. Если ты вдруг не проснёшься, я вызову помощь. Не потому, что перестала тебе верить, а потому, что так поступают с человеком, который лежит без сознания дольше ожидаемого.

Ника опустила вилку.

— Я знаю.

— Договоримся о пределе. В восемь утра я попробую тебя разбудить. Если не получится, действую как при обычной медицинской чрезвычайной ситуации. Никакой самодеятельности с магией.

Они пожали друг другу руки через миску.

В половине двенадцатого Ника закрыла шторы и легла. Соня устроилась за столом с ноутбуком, бумажной распечаткой и термосом чая.

— Если спросят, — пробормотала Ника, укладывая подушку поудобнее, — скажи, что это самая дорогая правка в моей карьере.

— Если спросят, почему ты спишь на работе, я отвечу честно: творческий процесс.

Соня выключила верхний свет.

⁂

Ника появилась на узкой площадке внутри башни. Знакомая лестница уходила вниз, откуда тянуло углём и горячим железом. За решётчатой дверью стояла Мэйра.

— Сегодня вы вовремя, — заметила капитан.

— Для чего?

— У нас совет мастеров через час. Государь попросил показать вам отчёт о вчерашней опоре.

— Мне нужен не совет. Мне нужен маленький кусок латуни.

Мэйра посмотрела на неё так, будто Ника попросила голову городского казначея.

— Вы намерены что-то сделать?

— Попытаться. Под присмотром мастера. Без жилых зданий и спасательных операций. И чтобы все заранее понимали, что именно может испортиться.

Мэйра не стала спорить. У двери она позвала одного из стражников и велела ему принести из мастерской медные обрезки.

Зал для совещаний находился этажом ниже. На длинном столе лежали рулоны схем и карта Нижнего квартала, испещрённая новыми отметками. Эйден стоял над ней, слушая доклад человека в зелёной жилетке.

Он сразу заметил Нику.

— Я надеялся, что вы вернётесь.

— Я вернулась не за надеждой. Мне нужно место для проверки.

— Какой?

Ника объяснила. Не всё: о Соне и её роли она промолчала, назвав только «человека в Яви, который наблюдает за рисунком». Эйден выслушал до конца, не пытаясь перебивать.

— Для такой работы нужен мастер, — сказал он. — И не следует делать это внутри дворца, где под полом проходят несущие волокна.

— Я и не собиралась рисовать крюк на троне.

В дальнем конце стола кто-то кашлянул.

Эйден закрыл папку.

— Мэйра, подготовьте старый хозяйственный двор за западной стеной. Пусть мастер Верал проверит площадку. И ни одного человека рядом с опорой во время опыта.

— Принято.

Ника заметила, что он ничего не спросил о том, зачем ей понадобился свидетель в другом мире. За это она была ему благодарна.

Перед выходом Эйден нагнал её у лестницы.

— Вчерашняя опора выдержала ночь, — сказал он. — Верал уже закрепила её обычными креплениями. Люди из пекарни вернулись за вещами.

— Значит, мы выиграли им время.

— Да. Больше я пока не могу обещать.

Она посмотрела на него внимательнее. После вчерашнего дождя под глазами у Эйдена проступили тени. Он, вероятно, спал столько же, сколько Ника, — только для него это не было прогулкой в другой мир.

— Вы вообще отдыхаете? — спросила она и тут же пожалела о вопросе.

— Иногда. Когда никто не требует немедленно спасти кого-нибудь от себя самого.

— Говорите так, будто это происходит часто.

— Чаще, чем хотелось бы.

Он улыбнулся едва заметно, и на мгновение Ника увидела в нём не государя, а человека, который давно отвык говорить смешные вещи вслух.

Потом улыбка исчезла. Он пропустил её вперёд и больше не вмешивался.

⁂

Хозяйственный двор оказался просторным и довольно жалким. У каменной стены стояли пустые ящики, возле навеса лежали обломки старой мебели. Верал принесла три узкие полоски металла, кусок кирпича и гладкую доску с двумя отверстиями.

— Вы хотите сделать крюк? — спросила она. — Тогда не заставляйте его держать ничего тяжелее собственной массы. У нас здесь достаточно аварий.

— Полностью согласна.

Мастер положила полоску латуни на кирпич.

— Это обрезок от дверной накладки. Металла хватит. Вот доска. Крепление — обычное, через два отверстия. Если захотите поднять крюк вверх, придётся делать это руками. Магия пусть меняет только форму.

Ника приложила ладонь к холодному металлу. В памяти возник рисунок портового домика: дождливый день, солёный ветер, тусклое окно над дверью и маленький крюк, который ей никак не удавалось нарисовать достаточно убедительно.

Но что, если это была не та самая работа? Если за ночь у неё слишком много картинок смешалось в голове?

Она опустила руку.

— Подождите. Мне нужно точно представить, откуда беру форму.

Верал кивнула и отступила.

Ника закрыла глаза. Представила серый домик, мокрую лестницу у крыльца, фонарь, отбрасывающий золотой круг на дверь. Крюк крепился на двух винтах. Верхняя дуга уходила влево, потом загибалась к стене. Внизу у него была небольшая насечка — случайная, оставленная Никой в окончательном рисунке и потому сохранённая в печатном экземпляре.

Она набросала форму на дощечке, не торопясь. Не пыталась получить предмет красивее оригинала. Только знакомый изгиб, два отверстия и ту самую насечку.

Металл под её пальцами едва заметно потеплел.

— Оно идёт, — сказала Верал.

Латунная полоска изогнулась медленно, как мягкая лента, нагретая над огнём. Один конец стал шире, другой вытянулся в кривую петлю. При этом середина утончилась, и Верал сразу же подхватила её щипцами, не позволяя переломиться.

— Остановитесь, — сказала мастер.

Ника убрала руку.

На кирпиче лежал знакомый крюк. Не чудесный, не сияющий: маленькая вещь, которую можно было выточить в любой хорошей мастерской. Только появилась она без молотка и нагрева, а на боковой стороне отчётливо виднелась крошечная насечка, которую Ника сделала когда-то на рисунке.

Верал внимательно рассмотрела металл.

— Можно закрепить. Мало прочности посередине, но для собственного веса хватит.

Она взяла винты и аккуратно прикрутила крюк к доске. Ничего на него не повесила.

— Всё, — сказала Ника. — Больше не трогаем.

Эйден, стоявший у ворот, подошёл к столу.

— Вы выбрали очень маленькую вещь.

— Потому что мне нужно понять, что случается с моей работой, а не доказать, что я могу вас удивить.

— И кто теперь скажет вам, получилось ли?

Ника посмотрела на темнеющее небо.

— Человек, которому я доверяю.

На этот раз вопрос в его взгляде остался не заданным.

⁂

В мастерской Ники стояла абсолютная тишина, нарушаемая только часами на микроволновке.

Соня сидела перед экраном. В двенадцать ноль три она отметила, что Ника спит ровно и спокойно. В двенадцать семнадцать проверила распечатку: домик, фонарь, латунный крюк. В двенадцать тридцать пять прикрыла окно, потому что потянуло холодом.

В час двенадцать она потянулась за чашкой и краем глаза заметила движение на экране.

Не вспышку. Не смену окна. На рисунке изменился тонкий предмет над дверью.

Крюк исчез.

Фонарь повис в воздухе без крепления, и это было так нелепо, что Соня сначала подумала о неправильном масштабе изображения. Она наклонилась ближе. На месте латунной дуги был кусок дождливого неба.

Соня схватила распечатку.

Там тоже не осталось крюка.

Она открыла печатный путевой дневник на нужной странице. Фонарь висел в воздухе, точно так же. Бумага была сухой, на переплёте не появилось следов переделки. Всё выглядело как обычный типографский брак, если не считать того, что полчаса назад этой ошибки не существовало.

Соня проверила спящую Нику, потом вернулась к столу. Она не хотела будить подругу до оговорённого времени, но и сидеть в ожидании уже не могла.

В блокноте она записала:

«01:12. Исчез металлический крюк из открытого файла. В тот же момент отсутствует в двух бумажных копиях. Я лично наблюдала изменение на экране. Отпечатки бумаги визуально не повреждены. Ника спит. Объяснения нет».

Рука у неё дрожала так сильно, что пришлось перечеркнуть слово «исчез» и написать его заново.

Потом Соня взяла отдельный лист и нарисовала собственный крюк — грубый, неправильный, без двух винтов. Закончила, поставила дату и положила рядом.

Её собственный рисунок остался неизменным.

Она сидела перед ним до рассвета и впервые в жизни по-настоящему боялась произнести слово «чудо».

⁂

В Лиорне Ника помогла Верал перенести доску под навес. Латунный крюк продолжал держаться, не истончаясь и не осыпаясь.

— И что будет с ним завтра? — спросила она.

— Не знаю, — призналась мастер. — Если не столкнёмся с разрывом, может, и годы простоит. Но вам лучше не обещать этого. Мы не испытали его под нагрузкой.

Ника улыбнулась.

— Я вообще сегодня ничего не обещаю.

Эйден проводил её до ворот дворца. Ветер со стороны каналов принёс запах смолы. В нескольких окнах ещё горел свет: город не спал, хотя часы давно перевалили за полночь.

— Верал сказала, что вы настояли на двух независимых свидетелях, — произнёс Эйден.

— Один здесь. Один наяву.

— Вы уже называете тот мир так, будто наш — только сон.

Ника остановилась.

— Для вас это, наверное, звучит обидно.

— Для меня — нет. Для тех, кто живёт здесь, может прозвучать.

Она посмотрела на освещённое окно кухни, где женщина в фартуке вытирала тарелки. Как ни называй Лиорн, люди в нём ели, боялись потерять жильё и ругались из-за мешков муки. Её собственная жизнь была для них таким же далёким и почти невозможным сновидением.

— Я не хотела их обесценивать, — сказала Ника.

— Знаю.

— Тогда чем вы недовольны?

Эйден чуть улыбнулся.

— Тем, что хочу услышать рассказ о вашем мире, а не могу позволить себе тратить на это время. У нас слишком много невыполненной работы.

— Не уверена, что вам понравилось бы услышанное. Там люди тоже часто не знают, что будет завтра. Просто здания обычно не исчезают.

— И всё же вы рисуете их так, будто они готовы исчезнуть.

Она резко обернулась.

— Почему вы так сказали?

— Потому что ваши лестницы, — тихо ответил он, — всегда ведут туда, откуда кто-то однажды ушёл.

Ника ощутила прежнюю настороженность. Эйден не мог видеть её выставочные работы. Или мог?

— Вы снова знаете больше, чем говорите.

— Да, — сказал он. — И с каждым днём всё меньше уверен, что вправе решать, когда вам это услышать.

Он не попытался оправдаться. Они дошли до арки молча.

Когда сонный мир начал растворяться, Ника вдруг вспомнила крюк, фонарь и ожидающую её Соню. Она хотела задать ещё один вопрос, но голос не подчинился. Из холодного двора её вытянула тишина собственной комнаты.

⁂

Ника проснулась в семь пятнадцать. Соня сидела на стуле с покрасневшими глазами и держала чашку, давно остывшую.

— Ну? — спросила Ника.

Подруга не ответила. Вместо этого молча пододвинула к ней распечатку.

Ника увидела фонарь, висящий в воздухе над дверью.

— Ты видела?

Соня кивнула.

— Прямо при тебе?

— Да. В час двенадцать. И в бумаге тоже.

Ника почувствовала огромное облегчение и почти сразу — стыд за это облегчение. Ей хотелось доказательств, но доказательства означали, что она не может просто перестать ходить в Лиорн и забыть о нём как о дурном сне.

Соня положила перед ней блокнот.

— Я не знаю, что мы видели, — сказала она. — Но знаю, что этого не объяснить нашей обычной программой редактирования. И ещё знаю, что твой король, кажется, говорит правду хотя бы об одном: изменения имеют цену.

— Значит, мне нельзя больше рисовать?

— Нет, — Соня покачала головой. — Значит, тебе придётся решать, чем именно ты готова платить. И не позволять другим решать за тебя.

Ника посмотрела на собственный календарь, на исчезнувшую вилку, на пустое пространство над дверью портового домика. В этих небольших потерях было что-то мучительно личное. Никто не спросил бы у неё разрешения, если бы она не научилась спрашивать его сама.

— Давай заведём отдельную папку, — сказала она. — Для всех этих случаев. С датами и рисунками до того, как они изменятся, насколько возможно.

— Сделаем, — ответила Соня. — Только помни: копия той же работы тоже может измениться. А вот описание словами, сделанное до опыта, осталось таким же. Его будем хранить отдельно.

Она закрыла ноутбук и вдруг крепко обняла Нику, чего обычно не делала без особой причины.

— Я больше не буду говорить, что у тебя просто необычные сны, — сказала Соня ей в плечо.

— А что будешь говорить?

— Что мы ещё не знаем, во что ты попала. И собираемся это выяснить, пока кто-нибудь не решил, что ты должна просто повиноваться.

Ника обняла её в ответ. За окном город просыпался, и каждый его звук был до нелепости знакомым. Кто-то ругался у подъезда, хлопнула железная дверь, заработала мусорная машина.

После ночи в Лиорне она больше не могла считать знакомые звуки доказательством безопасности.

Но впервые с исчезновения лестницы рядом оказался человек, который видел странность своими глазами и не отвернулся.

Глава 5. Мастерская Тео

В воскресенье Жанна отменила встречу. Позвонила рано утром и сообщила, что вынуждена уехать по делу, объяснений не дала, а коробку с рисунками пообещала показать через неделю. Ника спорила десять минут, но всё, чего добилась, — обещание больше не отправлять загадочных предупреждений. К вечеру оно уже казалось подозрительно непрочным.

Первым, кто встретил Нику в Лиорне следующей ночью, оказался мальчик с перевязанной ладонью.

Он сидел на низкой стене у арки, болтал ногами и держал под мышкой тот самый деревянный ящик с часовыми деталями. Увидев Нику, вскочил с таким восторгом, словно она была его старшей сестрой, вернувшейся из долгой поездки.

— Вы пришли! — закричал он.

— Значит, твой учитель всё-таки не убил тебя за мост.

— Нет. Только запретил работать у печи и теперь заставляет записывать каждый винтик, который я трогаю. — Тео показал перевязку. — Лекарь сказал, что пальцы будут целы. Смотрите, сгибаются.

Он попытался сжать кулак и скривился.

— Не надо, — сказала Ника. — Я верю без демонстраций.

За те дни, что они не виделись, мальчик успел придумать несколько способов отблагодарить спасительницу. Он перечислил их все, пока они шли по узкой улице: подарить часы, научить Нику заводить маленький шестерёнчатый механизм, показать безопасную дорогу к дворцу, угостить пирожком с густым сиропом. Последнее оказалось самым реальным, потому что первый пирожок уже лежал у него в кармане, завёрнутый в бумагу.

— Он немного сплющился, — признался Тео.

— После твоего моста я не привередничаю к форме вещей, — сказала Ника и взяла угощение.

Тесто оказалось ещё тёплым. Внутри был терпкий фруктовый джем, напоминавший смесь сливы и чего-то хвойного. Ника съела пирожок, стараясь не думать о том, что утром в её мире ни крошки от него не останется.

— Мастер велел привести вас, если увижу, — сообщил Тео, когда они свернули за угол.

— А король?

— Король не приходил. Только спрашивал, где вас ждать. Я сказал, что вы, наверное, сама выберете, куда идти.

Мальчик сказал это с такой уверенностью, что Ника почувствовала неожиданную благодарность.

— Правильно сказал.

— Я так и думал.

Они вышли к маленькой площади, над которой висели четыре разноцветных фонаря. В отличие от Нижнего квартала, здесь краски ещё держались. Дома были низкие, окна — маленькие, а мостики не пересекали канал, а соединяли соседние дворы над узкими проходами. Перед одной мастерской висела вывеска с нарисованной кукушкой. Под ней на деревянной доске мелом значилось: «ЧАСЫ НА ПОЧИНКУ НЕ ПРИНИМАЕМ. СТАРЫЕ СДЕЛАЕМ. НОВЫЕ НЕ ПРОСИТЕ».

— Это что означает? — спросила Ника.

— Что мастер рассердился на часовщика из Верхнего квартала. Тот хотел заказать новые часы, а старые выбросить, — пояснил Тео. — Мастер считает, что часы, которые можно починить, выбрасывать стыдно.

— Здравый человек.

— Иногда даже слишком.

Тео толкнул дверь плечом.

Внутри было тепло, душно и удивительно громко. Десятки механизмов отсчитывали время каждый по-своему. Одни тикали сухо, как семечки в жестяной банке; другие стучали густо и ровно; самый большой, в углу, раз в несколько секунд вздыхал, прежде чем сделать следующий ход.

За столом сидел старик с короткой седой косой, перевязанной синей ниткой. Он держал часовую шестерню у самого глаза, словно хотел разглядеть в ней секрет, известный только ей.

— Я привёл её, — объявил Тео.

— Вижу, — ответил старик, не поднимая головы. — Если ты снова оставил дверь открытой, приведёшь ещё и сквозняк.

Тео послушно закрыл дверь.

Старик отложил шестерню, снял очки на тонкой цепочке и внимательно посмотрел на Нику.

— Ливен, — представился он. — Часовщик. Отец никчёмных механизмов и воспитатель непослушных детей. Услугами последнего ремёсла не горжусь.

— Ника Лаврова.

На слове «Лаврова» его пальцы, державшие очки, замерли.

Но через мгновение он снова заговорил прежним голосом:

— Тео обязан вам жизнью. А я обязан вам возможностью продолжать его ругать. Садитесь. У нас тут нет придворных правил. Кто встал возле стола, тому придётся работать.

Ника села.

— Согласна. Только сначала скажите, почему мне кажется, что я знаю вас.

Ливен немного повёл плечом.

— Стариков с седыми волосами в городе много.

— Но с такой косой?

— Таких меньше. Впрочем, когда доживёте до моих лет, увидите, что ни одного лица нельзя считать совершенно новым.

Он подвинул к ней маленькую коробку с винтами.

— Разберите по длине. А Тео пусть перестанет изображать гостя и принесёт чай.

⁂

Работа оказалась спокойной. Именно поэтому Ника неожиданно ощутила, как сильно устала от двух предыдущих ночей.

Она сортировала винтики, слушала тиканье часов и отвечала Тео на вопросы о её мире. Мальчика интересовало всё: есть ли там башни, которым не нужны механизмы; кто поднимает солнце на небо; почему никто не носит сапоги с застёжками; правда ли, что бывают машины, движущиеся без животных. Ника старалась говорить понятно и не слишком подробно. Она не была уверена, как объяснить автомобиль ребёнку, живущему среди мостов, которые иногда теряли память о собственном весе.

— Машина — это повозка с двигателем, — сказала она.

— Двигатель это как пружина?

— Только там внутри всё время происходит маленький управляемый взрыв.

Тео восторженно распахнул глаза.

— У вас повозки взрываются?

— Обычно не так, как ты представил.

— А можно построить одну здесь?

— Нет, — отозвался Ливен прежде, чем Ника успела ответить. — У нас и без этого хватает того, что взрывается.

Он снял со стены небольшие часы без циферблата. Вместо стрелок над круглой пластиной колебалась тонкая серебряная игла. При каждом колебании маленький молоточек ударял в медную проволоку, и раздавался едва слышный щелчок.

— Вот это я и хотел показать, — сказал мастер.

Ника отложила винты.

— Часы?

— Прибор для измерения колебаний устойчивости, — поправил Ливен. — Тео называет его часами, потому что любой прибор, который тикает, по его мнению, обязан показывать время.

— А разве не обязан?

— Если мир вокруг перестаёт держать форму, время становится последней вещью, которой я доверяю. Но даже оно у нас иногда ведёт себя неприлично.

Ливен поставил прибор посреди стола. Игла остановилась, затем слегка качнулась вправо.

— Смотрите. Пока связь материала с местом ровная, молоточек бьёт через одинаковые промежутки. Когда рядом приближается разрыв, интервалы начинают гулять. Это не предсказание будущего, не магия поиска и уж точно не гарантия. Просто материал этой проволоки откликается на изменение окружающих форм чуть раньше стен.

— Как трещина в стакане по звуку, — сказала Ника.

— Почти. Только стакан вам честно скажет, где у него трещина. А наш прибор — лишь что рядом что-то неладно.

Он подвёл её к окну. На соседней крыше стоял точно такой же прибор, только большой, с тяжёлым колоколом на верхушке.

— Мы ставим их по кварталам. Если показания меняются, бригады проверяют опоры. Если опасность серьёзная, звонят в тревожный колокол.

Ника вспомнила мост: часы, застывшие на без семи двенадцать, и колокол, который ударил дважды, но так и не успел в третий раз.

— В тот день тревога оборвалась.

Ливен снял очки.

— Знаю. Это был мой колокол.

Тео перестал раскладывать винты.

— Я должен был принести к нему новые детали, — сказал он тихо. — Если бы успел раньше…

— Даже если бы ты успел на час раньше, — резко перебил мастер, — это не спасло бы мост. Колокол не удерживает камень. Он только предупреждает людей. Ты уже наказан за то, что полез за своими часами через заграждение. Второго суда не будет.

Тео уткнулся в коробку. Ника почувствовала, что Ливен сердится вовсе не на мальчика. Просто у него ещё дрожали руки, когда он вспоминал тот день.

— А можно узнать, как именно колокол перестал работать? — спросила она.

— Если вас не пугают подробности.

— Я была там. Меня скорее пугает их отсутствие.

Ливен отодвинул несколько часов, достал из шкафа картонную папку и разложил на столе схемы. На каждой были простые графики: короткие линии, меняющиеся интервалы, отметки стрелок. На последнем листе находился рисунок колокола с красной полосой у основания.

— В момент обрушения мы получили две последовательности, — пояснил мастер. — Первая обычная: колебание, опасность, сигнал. Вторая появилась сразу после того, как исчезла лестница.

Ника вздрогнула.

— После моей лестницы?

— Да. На несколько ударов игла показала увеличение устойчивости, хотя мост уже распадался. Такого мы не видели прежде. Потом опора снова потеряла форму, и вместе с ней перестало держаться крепление язычка колокола. Третий удар был невозможен: у колокола больше не было чем ударить.

Ника смотрела на график. Её вмешательство на миг изменило положение вещей, но не отменило разрушение. Прибор честно показал кратковременное улучшение, даже когда это улучшение ничего не значило для судьбы моста.

— Значит, можно отличить мою работу от обычного разрыва?

— Иногда. Если рядом стоит такой прибор и никто не трогает его руками.

Ливен взял другой лист. На нём было начерчено несколько длинных кривых, постепенно опускавшихся вниз.

— А это Нижний квартал. Последние девять месяцев. Видите, как уменьшились обычные промежутки? Прежде мы знали, что у нас есть время на ремонт. Теперь слишком часто узнаём, что времени уже нет.

— Вы отправляете данные во дворец?

— Каждый месяц. И каждый месяц получаем ответ, что показатели остаются в допустимых пределах.

— В допустимых для кого?

Ливен взглянул на неё с уважением.

— Вот об этом я давно хотел спросить кого-нибудь во дворце.

⁂

На стене над рабочим столом Ника заметила старые часы в резном корпусе. Они не работали. Стрелки остановились на странном положении: минутная стояла у тройки, часовая — между восемью и девятью. Вместо привычных цифр на циферблате располагались узкие значки, похожие на ветви, соединённые на концах.

В самом центре был выгравирован знак: два прямоугольника рядом, один чуть ниже другого, и между ними — тонкая линия, не доходящая до краёв.

Ника подошла ближе.

— Кто сделал эти часы?

Ливен обернулся.

— Мастерская старого перехода. Давно закрылась.

— А знак?

Он долго не отвечал.

— Ремесленный, — наконец произнёс он. — Были такие люди, которые рисовали окна там, где остальные видели стены.

— Это чья-то шутка?

— Когда-то, может, и была. Потом стала очень серьёзным делом.

Ника коснулась деревянной рамы. По спине пробежал холод.

Перед ней на мгновение возникла другая комната: деревянный пол, солнечный прямоугольник у окна, чья-то большая рука, которая держит мелок. Детский смех. Два квадрата, нарисованные рядом, и слово, которое никак не складывалось в память.

Она отняла руку.

— Что с вами? — спросил Тео.

— Ничего. Просто показалось, что я уже видела этот знак.

Ливен молчал. И в этом молчании было больше внимания, чем в любом вопросе.

— У вас сохранились записи о той мастерской? — спросила Ника.

— Кое-что. Но бумаги старше вас, а мои глаза уже не те. Если захотите помочь разобрать, найдём время.

— Хочу.

Старик кивнул, словно получил именно тот ответ, на который рассчитывал.

— Тогда начнём не сегодня. Сегодня Тео должен закончить ведомость, а вам надо услышать, почему он вздумал таскать часы по опасному мосту.

Тео вспыхнул.

— Мастер!

— Сама расскажи, если хочешь, — спокойно сказал Ливен и подвинул мальчику чашку.

Тео несколько раз провёл пальцем по перевязке.

— Я думал, если принести детали вовремя, колокол снова будет работать, — сказал он. — В Нижнем квартале живёт моя тётя. У неё трое маленьких. Когда первый раз пропала стена, они не успели ничего забрать. Я хотел, чтобы больше никого не застали врасплох.

Ника смотрела на него и не могла подобрать слова. В нём не было ничего от сказочного героя: обычный мальчишка, путающий размеры винтов, боящийся наказания, способный совершить отчаянную глупость потому, что любил людей.

— Твой колокол предупреждает, — сказала она наконец. — Но люди должны слушать его. И знать, куда идти.

— А если некуда?

Это был самый трудный вопрос за весь вечер.

— Тогда взрослые должны построить место, куда можно, — ответила Ника.

Ливен тяжело вздохнул.

— Мне нравится, как вы решаете задачи. Жаль, камень вас не слушает.

— Пока, — сказала Ника.

Старик впервые рассмеялся по-настоящему.

⁂

Позднее они отправились к старому мосту, на котором теперь лежали временные настилы. Не подходить слишком близко пообещали все трое. Ливен хотел проверить прибор, установленный на соседнем доме, а Тео настоял, что понесёт ящик с инструментами. На этот раз мастер разрешил ему только лёгкие детали.

Мост выглядел иначе, чем в первую ночь. Заграждения уже успели укрепить, исчезнувший дом за каналом стоял открытым срезом к небу. Голубая занавеска, которую Ника запомнила, больше не шевелилась: окно заколотили с безопасной стороны, но большую часть стены восстановить не смогли.

Возле заграждения стояла женщина с маленькой сумкой. Она смотрела на противоположный берег, не пытаясь пройти. По тому, как она держала сумку — прижав к груди обеими руками, — Ника догадалась, что там остался кто-то важный.

— Её муж пропал вместе с верхним этажом, — тихо сказал Ливен. — Он был краснодеревщиком. Два месяца они копили на новую печь. Теперь ей некуда идти, потому что дом по документам ещё существует.

Ника почувствовала, как внутри поднимается тяжёлое, злое бессилие.

— Почему по документам?

— Потому что признать его погибшим без свидетелей и записи о разрыве нельзя. А на той стороне никто не успел составить запись.

Ника посмотрела на женщину. Та всё ещё ждала у заграждения.

— Пойдёмте, — сказала она Ливену. — Надо поговорить с Мэйрой.

— Она не волшебница.

— И не обязана. Но у неё есть список людей, а у вас — записи приборов. Возможно, ими можно подтвердить, что произошло.

Ливен задумался. Потом медленно кивнул.

— Видите, Тео, — сказал он, — почему важно уметь записывать показания, а не только стучать молотком?

— Потому что иначе никто не поверит, когда тебя не станет, — ответил мальчик.

Старик не нашёлся, что сказать.

⁂

На дворцовой площади Мэйра действительно была. Она принимала жалобы жителей за длинным столом, и очереди не было конца. Возле неё стоял писарь, быстро заносивший фамилии в книгу. Ника подошла, дождалась, пока женщина с узлом закончила объяснять, почему её семье нужны две отдельные постели, и только тогда позвала капитана.

— Есть записи о разрушении одного дома, — сказала Ника. — И есть женщина, которая не может оформить пропажу мужа, потому что чиновники требуют свидетельства о том, что никто не видел.

Мэйра устало потёрла переносицу.

— Пришлите её сюда. Пусть Ливен даст мне копию показаний и подтвердит, где именно стоял прибор. Я не обещаю, что бумаги примут без суда, но хотя бы начнём процесс правильно.

— Хорошо.

Мэйра внимательно посмотрела на Тео.

— А вы, молодой человек, больше не ходите через закрытые мосты.

— Я уже понял, капитан.

— Это мы проверим.

Отойдя от стола, Ника увидела Эйдена возле внешних ворот. Он разговаривал с человеком в зелёной мантии, чей ворот был расшит золотыми нитями. Мужчина держался почтительно, но его лицо ничего не выражало. Когда он заметил Нику, речь замедлилась.

Эйден кивнул ей и продолжил разговор. Ника не подошла. Она не хотела снова оказаться в центре внимания из-за короля; сегодня была счастлива просто помочь Ливену собрать доказательства для чужого дела.

Но человек в зелёной мантии проводил её взглядом до самого поворота. И Нике показалось, что видел он в ней вовсе не спасительницу с моста.

⁂

Вернувшись к часовой мастерской, Ника помогла Тео занести инструменты и ещё несколько минут стояла у дверей, слушая тиканье механизмов. Ливен принёс ей узкую полоску бумаги, исписанную знаками и числами.

— Это вчерашние показания, — сказал он. — Ваше вмешательство на мосту отмечено отдельно. Не теряйте, пока здесь.

— Я не могу взять их с собой.

— Знаю. Тогда запомните хотя бы это.

Он указал на две короткие линии рядом, пересечённые одной горизонтальной.

— Что это?

— Наш знак для того, что зависит от двух сторон. Иногда его рисовали возле старых переходов. Теперь почти никто не знает, что он значит.

Ника почувствовала, что в её памяти снова открывается та детская комната. Большая рука с мелком. Солнце на полу. Два окна рядом.

— Я видела такой знак во сне, — тихо сказала она.

— Возможно, — отозвался Ливен. — Иногда сны помнят больше, чем мы хотим.

Она подняла на него глаза.

— Вы ведь знаете, кто я?

Старик долго смотрел на неё. В отличие от Эйдена, он не пытался выглядеть невозмутимым.

— Я знаю одну фамилию, — ответил он. — И знаю, что однажды её произнесли здесь слишком поздно. Но рассказывать вам чужую историю по обрывкам было бы жестоко. Сначала найдите то, что принадлежит вам.

— Что именно?

— Спросите у женщины, которая вас вырастила, — сказал Ливен. — О коробке с рисунками.

Ника не успела ответить. Мир вокруг начал терять очертания. В последний момент она увидела, как Тео ставит на пол ящик, а Ливен осторожно придерживает старые часы, словно боялся, что они исчезнут вслед за ней.

⁂

Утром в квартире пахло сухой бумагой и холодным кофе.

Ника села за стол и быстро записала показания прибора по памяти, насколько смогла, не доверяя себе восстановление цифр, которых не запомнила. Затем нарисовала знак из мастерской: два окна, соединённые тонкой линией.

Это был новый самостоятельный рисунок, не копия чужих записей. Но рука двигалась с такой уверенностью, что она вспомнила солнечный прямоугольник на деревянном полу и детский голос, называющий чьё-то имя.

На телефоне висело сообщение от Жанны, присланное поздней ночью:

«Если придёшь в воскресенье, я покажу тебе коробку. Пожалуйста, до этого не спрашивай ни у кого о старых окнах».

Ника смотрела на экран, не решаясь ответить.

На столе лежали два её рисунка: мост с часами и два окна с перемычкой. Между ними вдруг обнаружилось невидимое прежде сходство — не в линиях, а в том, как точно она знала их форму, словно когда-то долго жила среди таких вещей.

Она закрыла блокнот.

До следующего воскресенья оставалось шесть дней.

Глава 6. Условия короля

На следующий день после разговора с Ливеном Ника обнаружила в почте необычное предложение о работе. Его прислали из обычного издательства, которое выпускало научно-популярные книги для подростков. Им требовались иллюстрации к пособию о мостах: арочные конструкции, подвесные системы, старые каменные пролёты, современные стальные опоры.

Совпадение было настолько странным, что Ника даже рассмеялась. Потом открыла техническое задание и перестала смеяться.

«Требуются точные изображения. Особое внимание уделить распределению нагрузок и работе опор. Не допускаются архитектурные фантазии, способные сформировать неверное представление о конструкции».

Ещё неделю назад она восприняла бы эти слова как требование не портить учебник. Теперь они казались личным предупреждением.

Она решила не отвечать до вечера. Вместо этого сходила в магазин за едой, вымыла чашки, которые копились у раковины несколько дней, и разобрала рабочий стол. Слишком долго вся её жизнь строилась вокруг того, что она увидит ночью. Нужно было напомнить себе: в Яви тоже существуют обязательства, люди и деньги.

Соня позвонила после обеда.

— Я отнесла вчерашние записи в независимый файл, — сказала она. — Без картинок. Только слова, даты и контрольные отметки. А ещё подумала о том, что если твоя магия способна переписать любую копию работы, то нельзя основывать архив только на изображениях.

— Значит, я должна хранить воспоминания в голове?

— В голове, в описаниях и в чужих словах. Разные источники. Чем больше независимых свидетельств, тем меньше возможности спутать одно с другим.

Ника улыбнулась.

— Ты всё ещё называешь это аномалией?

— Нет. Теперь я называю это работой без инструкции. И ненавижу, когда люди уверяют, что инструкция у них есть, но показывать её не хотят.

Разговор неизбежно вернулся к Эйдену.

— Вчера он не просил меня ничего делать, — заметила Ника. — Только помог организовать опыт.

— И ты думаешь, это хороший знак?

— Думаю, это один поступок. Мне пока трудно собрать из них человека.

— Здраво. Значит, сегодня собирай дальше, но не подписывай ничего вслепую.

Ника не поняла, почему Соня сказала именно так. До наступления ночи оставалось много часов.

⁂

В Лиорне её встретила Мэйра. Капитан выглядела мрачнее обычного. На плаще возле плеча расплылось пятно высохшей глины, перчатки были мокрыми, а на лбу виднелась свежая царапина.

— Вас ждут в верхнем зале, — сказала она. — Но сперва хочу предупредить: сегодня там не только государь.

— Кто ещё?

— Канцлер и несколько членов Совета хранителей. Они считают, что любой, кто способен менять формы города, должен работать под надзором.

— У вас очень вдохновляющее вступление.

— Я предпочитаю предупреждать о плохом заранее.

— За это вам и доверяю.

Мэйра посмотрела на неё с удивлением, почти незаметным, но настоящим.

— Тогда ещё одно. Не соглашайтесь ни на что, что вам не объяснили. Здесь любят называть приказ предложением, когда человек не знает нашего обычая.

— А вы почему мне это говорите?

— Потому что я видела, как вы спасали Тео. И потому что надзор за людьми без согласия — не моя работа, сколько бы страниц ни занял приказ.

Верхний зал оказался совсем не похож на Зал карт. Там не было инструментов и грубо сшитых планов; стены покрывали гладкие панели, из окон открывался вид на белые крыши дворцового квартала. На возвышении стояло кресло с серебряной спинкой, пустое. Эйден сидел за обычным столом рядом с длинным рядом советников.

У дальней стены Ника узнала человека из зелёной мантии, который смотрел на неё на дворцовой площади.

Он приблизился и поклонился с безупречной вежливостью.

— Эмар Дорн, канцлер Лиорна. Позвольте приветствовать вас от имени Совета. Ваша помощь нашему городу уже заслужила уважение.

— Спасибо, — сказала Ника. — Но я пока не уверена, что умею помогать без риска.

— Именно поэтому мы и хотим предоставить вам надёжные условия работы.

Он положил перед ней длинный лист с печатями. Слова на нём складывались в понятный смысл, но Ника сразу заметила: некоторые выражения были такими же двусмысленными, как в земных договорах.

«Согласие на предоставление дарования», «исключительное распоряжение изображениями», «время доступности», «обязательство выполнять указания уполномоченных хранителей».

— Это контракт? — спросила она.

— Не более чем форма взаимного доверия.

— Обычно взаимное доверие не требует пяти печатей.

По правую руку от канцлера сидел худой мужчина, непрерывно вытиравший очки. Он перестал это делать. Эмар же улыбнулся, словно Ника сказала именно то, что было предусмотрено распорядком.

— Речь идёт о безопасности вашего труда. Совет обеспечит жильё, материалы, помощь мастеров и охрану. Взамен нам нужна уверенность, что ваши способности не окажутся случайно применены против общественного порядка.

— Против общественного порядка? — переспросила Ника. — Например, если я нарисую дополнительную ступень у чьего-нибудь дома?

— Если это будет сделано без согласования, последствия могут оказаться непредсказуемыми.

— Тогда пусть согласовывают инженерную безопасность. Не мои ночи.

Эмар слегка приподнял бровь.

— Ваши ночи?

Ника постучала пальцем по листу.

— Здесь написано, что я обязуюсь появляться по вызову Совета. Как вы собираетесь это обеспечивать? Мне, между прочим, в другом мире тоже нужно спать, работать и иногда просто жить.

— Мы готовы предусмотреть необходимые исключения.

— Исключением будет моё собственное время? Тогда мы не договоримся.

Эйден, молчавший до этого, поднял взгляд от карты.

— Эмар, я не видел этого пункта в первоначальном проекте.

— Его добавили по совету специалистов по безопасности, государь.

— После моего ознакомления?

— Предполагалось, что формулировка техническая.

В комнате стало тихо. Ника почувствовала, что спор касается не только её, но и того, кто здесь вправе считать чужую жизнь технической формулировкой.

Эйден протянул руку.

— Дайте мне документ.

Канцлер передал лист. Король быстро прочитал несколько строк, остановился на середине и нахмурился.

— Кто предложил исключительное право на её рисунки?

— При дворе невозможно гарантировать устойчивость форм без права учитывать использованные образцы, — ответил Эмар.

— Учитывать — не значит владеть, — сказал Эйден.

Он повернулся к Нике:

— Мне не следовало приглашать вас до того, как я прочитал окончательный текст. Это моя ответственность.

Ника смотрела на него, пытаясь понять, было ли это признание ошибкой или хорошо отрепетированным жестом. Но Эмар выглядел искренне недовольным, а Эйден — человеком, которому в очередной раз придётся выяснять, почему его собственное распоряжение изменили по дороге к исполнению.

— Давайте проще, — сказала Ника. — Я хочу знать, чего именно вы от меня ждёте.

Эйден положил перед ней другой лист — карту трёх опасных районов.

— В ближайшие дни возможны новые разрушения. Верал уверена, что часть домов можно удержать достаточно долго для переселения, если использовать ваш дар вместе с обычными мастерскими. Я хочу, чтобы вы участвовали в обследованиях и помогали там, где это обоснованно. Не чтобы заменяли собой строителей.

— А если откажусь?

— Тогда мы будем искать другой способ.

Эмар вмешался:

— Государь, речь идёт о судьбе тысяч людей. Позволить одному человеку отказать им в помощи из личных соображений…

— А вы готовы назвать поимённо тех, кого поставите перед опасностью ради вашей уверенности? — спросила Ника. — Я уже почти разрушила опору моста, потому что никто не объяснил, откуда берётся материал. Если бы рядом не оказался Эйден, я могла бы погубить людей. Вы предлагаете вписать в контракт обязанность делать то, чего ещё не умею?

Канцлер замолчал. Но Ника видела, что её вопрос он не принял как аргумент. Для него это было препятствие, которое нужно обойти.

⁂

После заседания Эйден попросил Нику пройти с ним в небольшую комнату с окнами на сад. Мэйра осталась у двери, достаточно близко, чтобы прийти на зов, и достаточно далеко, чтобы не слышать разговор.

На столе стоял чайник и две чашки. Эйден налил чай, не спрашивая, хочет ли Ника, и только потом, заметив её взгляд, остановился.

— Простите. Слишком давно привык, что здесь всем наливают автоматически.

— А я слишком давно привыкла сама решать, что пить.

Он поставил чайник.

Ника взяла чашку. Чай пах незнакомой травой и чем-то похожим на лимонную цедру.

— Сегодня вы позволили канцлеру поставить меня перед фактом, — сказала она.

— Да.

— Вы часто так делаете?

Эйден медленно сел.

— Достаточно часто, чтобы меня за это следовало спрашивать.

Она ожидала оправданий, но услышала признание. От этого спорить было труднее.

— Я не могу отвечать за ваш город так, как вы, — продолжила Ника. — Не могу даже обещать, что всегда смогу сюда попасть. Иногда я просыпаюсь среди ночи. Иногда сон не приводит меня к нужной арке. И если буду слишком устала, мне придётся остановиться. Иначе однажды вы получите две катастрофы вместо одной.

— Что вы предлагаете?

— Никаких прав на мои рисунки. Никаких обязательных явок. Никаких работ без технической оценки Верал или другого мастера. Если вы хотите записывать результаты, записывайте. Но решения о применении моего дара я принимаю сама. И вы не мешаете мне разговаривать с людьми, а не только с чиновниками.

Эйден слушал, чуть наклонив голову.

— Вы давно это обдумывали?

— С тех пор как впервые увидела, что чужой мальчик может погибнуть, пока взрослые обсуждают, кому принадлежит мост.

Он провёл пальцем по краю чашки.

— Я согласен с большинством. Но есть одна трудность. Если действие вашего дара может поставить под угрозу людей, я обязан его остановить.

— В этом мы согласны, — сказала Ника. — Останавливать опасную работу — да. Владеть человеком — нет.

Эйден впервые за вечер по-настоящему улыбнулся.

— Формулируете лучше, чем мои советники.

— У меня опыт общения с издательствами. Там тоже умеют просить исправить рисунок, не уточняя, готовы ли платить за новую работу.

— Значит, мы заключили соглашение?

— Устное. На один испытательный срок. И только по делам, которые вы покажете полностью.

— Сколько длится ваш испытательный срок?

— Пока я не решу, что мне здесь больше нечего делать.

— Удивительно неудобное условие для короля.

— Привыкайте.

Несколько мгновений они сидели молча. За окном ветер трепал тонкие ветви деревьев. На одной из них висели маленькие серебряные листья. Они звенели, сталкиваясь друг с другом, будто кто-то осторожно перебирал столовые приборы.

— Вам рассказали о том, как собирают сны? — неожиданно спросил Эйден.

Ника подняла глаза.

— Мне показали графики разрывов. Ещё я видела надпись на стене: «Сны — не налог». Я не знаю, что она означает.

— Позднее мы обсудим и это, — сказал он после паузы.

— Сегодня вы опять выбираете, что мне знать?

— Сегодня я выбираю не говорить о сложном устройстве системы, в котором даже собственные специалисты расходятся. Я не хочу давать вам объяснение, которое окажется неверным.

— Тогда скажите хотя бы, есть ли в нём что-то, о чём вы сами жалеете.

Эйден долго смотрел в чашку.

— Да, — ответил он наконец. — Есть.

Ника не стала расспрашивать дальше. Она уже понимала: даже честное «да» иногда служит дверью, которую человек не намерен открывать.

⁂

Внизу, возле служебного выхода, Мэйра ждала с новым списком.

— Мельничная, дом двенадцать: жильё найдено, — сказала она. — Рута с дочерью переезжает утром. Школу на Песочной обещают починить за четыре дня. Верал ругается, но взялась.

— Значит, обещание с площади не умерло раньше бумаги, — заметила Ника.

Мэйра улыбнулась краем рта.

— Проверяйте дальше. Нам полезно.

Они вышли во двор. Ника остановилась у старой арки, за которой проходили сонные коридоры. Сегодня воздух над камнями был ровным, без серебряных волн, и Ника могла увидеть сквозь проём обычную улицу.

— Почему канцлер против моих условий? — спросила она.

— Потому что ему удобнее иметь прибор, чем человека, — ответила Мэйра.

— А Эйден?

Капитан подумала.

— Он хочет спасти город. Иногда так сильно, что не замечает, кого попросил за это заплатить. Но способен услышать отказ. Раньше не всегда.

Это была самая честная характеристика короля, которую Ника пока услышала.

— Вы ему давно служите?

— Девять лет. Видела его добрее, чем он сам себе позволяет. И жестче, чем мне хотелось бы помнить.

Ника не спросила, что именно Мэйра не хотела помнить. Пока ей не хватало собственных воспоминаний, чтобы разбираться в чужих.

Когда воздух начал тянуть её назад, она успела заметить на стене возле арки новую надпись. Не мелом — вырезанную тонким острым инструментом прямо в камне:

«ТВОЙ СОН — НЕ ИХ ДОБЫЧА».

И рядом — два окна, соединённые линией.

⁂

Утром Ника открыла электронное письмо от издательства с заказом на мосты. Прочитала техническое задание ещё раз. В нём требовалось объяснить подросткам не только то, как конструкции стоят, но и почему иногда падают.

Она ответила, что готова взяться за работу при условии дополнительного времени на консультацию с инженером.

Потом достала блокнот и на отдельной странице написала:

«Если изображение спасает, это ещё не делает художника собственностью тех, кого он спас».

Фраза показалась ей слишком важной, чтобы оставлять её только в голове. Она положила лист возле жёлтой записки Сони и впервые за несколько дней начала работать до обеда, не прислушиваясь каждую минуту к воображаемым колоколам.

Глава 7. Те, кто больше не видит снов

Ника не знала, как задают людям вопросы о сновидениях так, чтобы они не решили, будто их записывают в сомнительный психологический эксперимент. Соня, которая раньше работала с опросами для цифрового архива, знала, но предупредила сразу:

— Мы не будем ничего измерять по трём разговорам. И не станем объяснять людям, что с их снами, пока у нас нет причин так думать.

— Я и не собиралась.

— Ты уже подготовила заголовок «Люди перестают видеть сны». Он лежит у тебя в блокноте.

Ника посмотрела на лист. Соня была права.

— Хорошо. Пусть будет «Что люди помнят утром».

— А это уже вопрос, — согласилась подруга.

Они сидели в небольшом кафе у книжного магазина. За стеклом мелкий дождь полировал тротуар, и город отражался в лужах длинными неровными полосами. Соне принесли латте с нарисованным на пенке сердцем. Она мгновенно испортила сердце ложкой.

— Не смотри так, — сказала она. — Иногда рисунок надо разрушить, чтобы добраться до кофе.

Ника фыркнула.

Первым человеком, с которым они заговорили, стала бывшая коллега Сони, Даша. Она занималась оформлением музейных каталогов, последние месяцы работала по ночам и честно признала, что не помнит ни одного сна с начала осени.

— Раньше снились дикие вещи, — рассказывала она, размешивая чай. — Станции метро посреди моря, экзамены в школе, где я не училась. А теперь просто засыпаю, потом просыпаюсь. Не уверена, что это плохо: наконец-то нормально высыпаюсь.

— Ты стала меньше спать? — спросила Соня.

— Наоборот. Больше. Но у меня новый график и кофе после пяти, так что не знаю, что из этого влияет.

Вторая знакомая оказалась преподавательницей музыки. Она заметила другое: сны вроде бы были, но стирались сразу, как только открывала глаза.

— И раньше такое случалось, — сказала она. — Но обычно хоть мелодия оставалась. Теперь и этого нет. Может, потому что весь день слушаю чужие упражнения.

Третий разговор Ника начала сама с пожилой соседкой из дома напротив, когда они случайно встретились у магазина.

— Сны? — переспросила соседка, бережно укладывая в сумку молоко. — Мне муж снится иногда. Раньше почти каждую неделю, а теперь редко. Но вы только не думайте, что я на него обижаюсь. Он умер семь лет назад, у него есть право отдыхать.

Ника улыбнулась. И тут же почувствовала себя виноватой: ей хотелось услышать подтверждение собственной страшной догадки, а люди рассказывали о работе, возрасте, потере, усталости. Для них сон был не лабораторным материалом, а частью жизни.

Когда соседка ушла, Ника закрыла блокнот.

— Ничего не доказано, — сказала она.

— Именно, — ответила Соня. — И важно, что мы это записали. Привычка связывать любые изменения с Лиорном опаснее, чем само незнание.

— Но совпадений много.

— Три разговора — это ещё не «много». Для начала нужно понять, сколько людей вообще помнят сны при таком режиме сна. Я посмотрю, что об этом можно узнать из нормальных исследований. А ты не строй легенду раньше фактов.

Ника откинулась на спинку стула.

Она злилась на осторожность Сони и одновременно была благодарна ей. В Лиорне всё объясняли слишком крупными словами: падение города, сонный коридор, древние переходы. Здесь слова оставались маленькими, проверяемыми, и было легче отличить страх от выводов.

⁂

Вечером позвонил редактор научно-популярного издательства. Он оказался молодым мужчиной с немного торопливой речью и огромным уважением к пунктуальности.

— Вы взялись за мосты? — спросил он. — Нам важно успеть до конца месяца.

— Взялась. Только я хочу консультироваться с инженером. Вы же просили точные схемы.

— Конечно. Мы дадим контакт. Первые четыре иллюстрации — через пять дней.

Ника записала сроки. Когда звонок закончился, она посмотрела на настольную лампу и вспомнила, как Эйден говорил о городе, который перестаёт держать форму. У неё было пять дней, чтобы закончить мосты в Яви. У него — неизвестно сколько, чтобы сохранить мосты в Лиорне.

Она снова взяла блокнот, на сей раз не для записи сна. Написала список дел: купить бумагу, позвонить консультанту, исправить страницу с календарём, оплатить интернет. Затем ниже провела черту и добавила: «Спросить, откуда в Лиорне берётся энергия для удержания домов».

Больше всего ей не нравилось, что последний пункт не относился к её обычной жизни и всё-таки угрожал полностью ею завладеть.

В одиннадцать она легла. Слышала, как сосед сверху открывает воду, как внизу захлопывают входную дверь. На секунду ей захотелось остаться здесь навсегда и позволить Эйдену самому разбираться со своим королевством.

Затем она вспомнила Тео и его учителя. У такого решения тоже была цена, пусть её никто не мог записать в бухгалтерской книге.

⁂

В Лиорне Ника оказалась в небольшом внутреннем дворе дворца. Над головой тянулись виноградные лозы, листья которых были покрыты серебряной пылью. У стены стояла скамья с отколотым углом. На ней сидел Эйден и читал тонкую пачку бумаг.

Он поднял голову, но не встал. Ника сама не знала, почему это ей понравилось: возможно, потому что человек, которого весь город заставлял стоять и распоряжаться, хотя бы при ней позволял себе сидеть.

— Вы сегодня поздно, — заметил он.

— У меня был рабочий день. Настоящий, с оплатой и звонками.

— Значит, я не имею права жаловаться.

— Право имеете. Только пользы от этого мало.

Эйден сложил бумаги.

— Я передал Верал ваше предложение о независимых испытаниях. Она просит не делать ничего крупнее маленькой распорки без утверждённой схемы. Совет недоволен, но мне кажется, Верал недовольна сильнее.

— Прекрасно. Пусть будет недовольна и держит всё на месте.

Они посидели некоторое время, слушая, как в саду шуршат листья.

— Я сегодня разговаривала с людьми о снах, — сказала Ника.

Эйден заметно напрягся.

— В вашем мире?

— Да. Несколько человек стали хуже их помнить. Я не знаю, связано ли это с вами. Пока что вообще не знаю, есть ли тут связь.

— Сны непостоянны, — осторожно ответил он. — Даже наши архивы давно об этом пишут.

— А вы на что надеетесь, когда просите людей сохранять ваш город? На их воображение? На их сон?

— Лиорн существует благодаря отклику, — сказал Эйден. — Так называют связь между мирами. Люди вашего мира во сне создают образы. Они не становятся здесь буквально домами или мостами, но их движение поддерживает формы, которые мы строим сами.

— Как электричество поддерживает лампу?

— Возможно. У нас нет хорошего аналога вашей лампы. Но я понимаю сравнение.

Ника задумалась.

— Если один человек перестанет видеть сны, что будет с городом?

— Ничего заметного. Связь складывается из множества потоков.

— А если перестанут тысячи?

Эйден посмотрел на её блокнот, который здесь существовал только как часть сонного образа: в руке она могла его держать, но в Яви проснулась бы без каких-либо новых записей.

— Тогда это может стать проблемой, — сказал он.

Ника подняла глаза.

— Может?

— Я не хочу выдавать предположение за доказательство. Мы пока не знаем, что первично: уменьшение отклика или разрушение форм. Наши исследователи спорят об этом годы.

— Кто занимается исследованиями?

— Палата устойчивости, ремесленные мастерские, несколько архивов при дворце.

— Могу я посмотреть их записи?

— Публичные — да. Остальные содержат сведения о безопасности города. Доступ к ним ограничен.

— Удобная система. Особенно для тех, кто решает, что считать безопасностью.

Эйден не стал спорить. Он поднялся со скамьи и жестом пригласил пройти по галерее.

Сад заканчивался длинной стеной с нишами. В каждой нише стояла каменная чаша, в которой тихо горел свет без огня.

— Так здесь освещают дворы? — спросила Ника.

— В старых домах — да. Часть чаш питается от запасов отклика, часть — от собственных ремесленных форм. Последние работают дольше, но их труднее создавать.

— Значит, у вас есть запас?

— Есть хранилища, — ответил он и неожиданно резко остановился. — Ника, я прошу вас не делать выводов из нескольких слов. Наши ресурсы устроены сложнее, чем можно объяснить на прогулке.

Она почувствовала, как вновь возникает стена между ними.

— Тогда не используйте сложность как замок на двери, — сказала она.

Эйден несколько секунд молчал.

— Справедливо, — наконец произнёс он. — Я попрошу подготовить для вас открытые отчёты Палаты. Остальное — когда смогу подтвердить, что именно в этих документах правда.

Ника хотела возразить, но удержалась. Она ещё не знала, что стоит за словом «хранилища», и не хотела превратить недоверие в способ слышать только то, что подтверждает её страх.

⁂

Открытые отчёты принесли через полчаса. Они пахли пылью и горьковатым клеем, страницы были тяжёлыми, как в старых бухгалтерских книгах. Ника листала их в комнате, где на окнах висели плотные шторы, а на столе стоял прибор Ливена.

В отчётах она нашла подробные описания разрушенных кварталов, но почти ничего о самом отклике. Графики обрывались там, где начиналось обсуждение хранилищ. Некоторые

страницы были перечёркнуты аккуратными синими линиями, словно кто-то заранее решил, какие сведения посетителю достаточно знать.

— Это всё? — спросила Ника у молодого архивариуса.

— Всё, что открыто без специального разрешения, госпожа.

— А кто даёт разрешение?

— Канцелярия.

— Канцлер Дорн?

Архивариус запнулся.

— По установленному порядку, да.

Ника закрыла книгу. Значит, официальная правда проходила через человека, который пытался подписать её жизнь в собственное распоряжение.

Она не собиралась делать из этого вывод о виновности Эмара. Но уже решила, что не станет принимать его слова без проверки.

Когда они с Эйденом встретились у выхода, король спросил, нашла ли она что-то полезное.

— Да, — сказала Ника. — Странно, но больше всего меня заинтересовало то, чего в книгах нет.

Он вздохнул.

— Понимаю.

— Тогда покажите, где хранятся полные записи.

Эйден посмотрел в сторону коридора, где стояли двое стражников.

— Я не могу обещать это сегодня.

— Я и не прошу обещать сегодня. Я прошу решить, хотите ли вы, чтобы я помогала понимать проблему, или только закрывала дыры в стенах.

— И вы считаете, что это разные дела?

— Чем дольше я здесь, тем сильнее.

Они вышли на площадь. Над крышами бледнел свет, и в окнах постепенно гасли лампы. Ника поняла, что ночь в Лиорне подходит к концу.

Эйден проводил её до ближайшей арки, но на этот раз не стал задавать вопросов о её мире. На прощание только сказал:

— Я не считаю вас инструментом.

— Тогда дайте мне причины не считать инструментом себя, — ответила Ника.

Она увидела, как слова задели его. Но он не попытался защититься.

⁂

Проснувшись, Ника записала разговоры о хранилищах и отметила отдельным знаком каждое место, где Эйден отказался отвечать.

Потом открыла заметки Сони.

«Ника, я посмотрела публичные исследования о запоминании снов. У людей очень разные привычки, нагрузка, лекарства, режим. Само по себе отсутствие воспоминаний о снах ничего не доказывает. Но если ты найдёшь в Лиорне механизм, который влияет на это, нам придётся собрать совсем другие данные».

Ника перечитала последнюю фразу.

Механизм.

В Лиорне она слышала слово «хранилище». Слишком крупное, слишком удобное. Оно могло означать запас воды, древесины, зерна — чего угодно.

Она написала в блокноте:

«Не смешивать страх и доказательство. Выяснить, что хранят».

За окном начинался новый рабочий день, и первые машины уже проезжали по мосту через настоящий городской канал. Ника смотрела на них, думая о том, как странно жить сразу в двух местах, ни в одном не зная, что именно поддерживает тебя над пустотой.

Глава 8. Цена рисунка

В письме редактора, которое Ника получила в среду утром, было всего два предложения.

«Очень просим не задерживать материалы по мостам. Нам нужно не четыре прекрасных чертежа когда-нибудь, а четыре понятных чертежа к субботе».

Ника перечитала письмо и обвела дату красным маркером. На столе лежали два почти готовых разворота. Третий она сделала только наполовину, четвёртый существовал в виде схемы из прямых линий. За ночь в Лиорне она снова не набрала полных восьми часов отдыха. Голова стала тяжёлой, руки плохо слушались.

Она хотела ответить редактору, что мосты в её жизни внезапно перестали быть чисто художественной темой, но передумала. Вокруг неё достаточно людей и без того пытались догадаться, почему художница стала такой рассеянной.

Ника открыла изображение арочного моста и принялась проверять расположение опор. Инженер-консультант, которого ей предоставило издательство, прислал голосовое объяснение о распорных силах. Он говорил спокойно и уважительно, но после третьего примера Ника вынуждена была остановить запись.

Ей мерещилась Короткая улица в Лиорне: мокрый карниз, балка, временная деревянная стойка, на которой она почти вырезала опасно тонкое место. Теперь она слишком хорошо понимала, что красивые линии могут обмануть человека, если за ними нет расчёта.

В четыре позвонила Лидия Павловна.

Ника посмотрела на экран так, словно галеристка могла увидеть через телефон нерисованное небо.

— Добрый день, — сказала та. — У нас освободилось место в декабрьской групповой выставке. Возможно, мы могли бы взять две ваши работы из цикла «Места для возвращения». Не весь цикл, но начало было бы неплохое.

Ника отложила карандаш.

— Какие именно?

— «Северный вокзал» и «Двор, в котором остались окна». У «Вокзала» прекрасная арка. Вы ведь сохранили оригиналы?

— Да.

— Тогда пришлите фотографии в высоком качестве, и на следующей неделе обсудим оформление. Мне по-прежнему хотелось бы чуть больше воздуха, но в этом случае мне кажется, что пустота работает.

Пока Ника соображала, как реагировать на почти комплимент, Лидия Павловна уже продиктовала сроки и положила трубку.

Ника прошла к стене, где стояли работы. «Северный вокзал» был одним из самых больших её рисунков: старое здание с высокими сводами, колоннами, навесом над платформами и узкой аркой, соединявшей два внутренних двора. Она работала над ним почти месяц, накладывая слой за слоем холодные оттенки камня. Внутри арки был виден далёкий прямоугольник света, а на переднем плане — пустая скамья с оставленным на ней шарфом.

Для зрителя картина, наверное, рассказывала об ожидании. Для Ники — о том, что у любого возвращения должен быть вход.

Она повесила «Вокзал» выше, чтобы лучше рассмотреть. Арка держалась не только на двух колоннах: за ними она подробно прорисовала боковые каменные устои, скрытые в стенах здания. Именно они придавали рисунку убедительность.

Впервые за долгое время ей захотелось пойти в галерею не как просителю, а как человеку, которого действительно готовы показать.

— И пусть без неба, — сказала Ника.

Телефон завибрировал. Сообщение от Сони:

«Я принесу ужин. Не забудь отправить снимки работ, пока не передумала».

Ника посмотрела на «Северный вокзал» и испытала странный укол тревоги. В Лиорне любой законченный рисунок перестал быть только рисунком. Даже если она не собиралась им пользоваться, существовала возможность однажды выбрать его вместо чьей-то жизни.

Она отогнала мысль.

⁂

Вечером Соня действительно приехала с ужином. Пока Ника проверяла подписи к чертежам, подруга сняла фотографии обеих работ для галереи. Обработала цвет, исправила перспективу, проверила, чтобы рамы не попадали в кадр.

— Отправляй, — сказала она.

Ника села перед экраном. Прикрепила два файла к письму, написала вежливое сообщение Лидии Павловне, проверила имя отправителя и почти нажала кнопку.

Потом остановилась.

— Если я снова использую какой-то фрагмент рисунка, он исчезнет и здесь, и в отправленном письме, — сказала она.

Соня кивнула.

— Да. По крайней мере, так было с теми композициями, которые мы проверяли.

— Значит, я уже не могу продавать работы, не объясняя людям риск.

— Можешь, если не собираешься превращать их в мосты.

Ника посмотрела на подругу. Та не улыбалась.

— Извини. Неудачная шутка, — сказала Соня. — Но послушай: ты не обязана оплачивать чужую систему собственным трудом. У тебя есть профессия. Она не становится менее важной от того, что кому-то вдруг понадобилась спасательница.

— А если там действительно погибают люди?

— Тогда нужно искать решение, в котором не один человек и не одна папка с рисунками отвечают за весь город.

Ника нажала «Отправить».

⁂

В Лиорне она появилась возле дворцового склада, где накануне Мэйра попросила устроить безопасную точку встречи. Двор был заполнен тележками с тканью, деревянными балками, цепями и ящиками с металлическими креплениями. Возле ворот толпились люди.

Мэйра стояла у стола, на котором лежала схема Нижнего квартала.

— Ника, хорошо, что вы здесь, — сказала она, когда увидела её. — Нам нужна ваша помощь. Не обязательно магия. Верал просила человека, который умеет читать чертежи.

— Что случилось?

— Переселенцев разместили в старой школе на Песочной. Ночью они услышали шум в западном крыле. Мы проверяем несущие стены. Король сейчас там.

Ника посмотрела на тележки.

— А почему склад весь на улице?

— Разгружаем материалы для крыши. Завтра часть пойдёт в школу, часть — в Нижний квартал.

Они поехали на узкой повозке с двумя колёсами. Лиорн ночью был не менее оживлён, чем днём: у мостов ремонтировали парапеты, под навесами сушили древесину, на площади стояли очереди за горячим супом. Ника всё чаще замечала людей, которые носили с собой небольшие узлы. Сначала она думала, что в городе много торговцев. Теперь понимала: некоторые просто боялись оставлять вещи дома.

Школа на Песочной стояла за двумя рядами каштанов. Один её флигель был перекрыт временной крышей, под окнами лежали брёвна, а у входа женщины раздавали детям одеяла. Внутри пахло мокрой одеждой, варёными овощами и известью.

Верал встретила их у лестницы. Лицо у неё было серым от пыли.

— Я думала, у нас есть ещё три дня, — сказала она без приветствия. — Оказалось, у западного крыла разошёлся шов между двумя устоями. Мы вывели почти всех, но часть вещей осталась наверху. Людей назад не пускаю.

— Тогда что нужно от меня?

— Посмотрите схему с тем, кто делал новый проём. Я хочу понять, не уменьшили ли они сечение опоры, когда расширяли проход для тележек.

Ника прошла к столу в бывшем классе. Перед ней лежал чертёж: западное крыло, две несущие колонны, широкий пролёт между ними и новый коридор, который строители пробили три месяца назад. Измерения на бумаге были тщательно проставлены, но одна стена показалась подозрительно тонкой.

— Здесь же стояла поперечная перегородка, — сказала она, показывая на старый план.

— Была, — ответила Верал. — Её убрали ради удобства.

— Она несла нагрузку?

— По документам — нет. Но в старом здании после стольких переделок документы мало что значат.

За стеной раздался глухой удар. Кто-то вскрикнул.

Мэйра выбежала в коридор и почти сразу вернулась.

— Один из выходов заблокирован. Люди уже снаружи, кроме семьи, которая вернулась за ребёнком. Девочка спряталась в бывшей библиотеке, и мать пошла за ней. Стражники сейчас ищут.

Верал подхватила инструментальный ящик.

— Где выход?

— Через старый внутренний двор. Только его арка начала оседать.

Она посмотрела на Нику.

Ника почувствовала, как в памяти всплывает «Северный вокзал». Два каменных устоя, узкая арка, боковые подпорки. В нужном дворе были сложены строительные блоки, привезённые для ремонта крыши. Сама по себе работа могла оказаться возможной, если её проведут вместе с мастерской.

— Я могу помочь удержать проход, — сказала Ника. — Но не в одиночку. Вы должны показать опоры, а Мэйра — вывести всех, прежде чем мы что-нибудь изменим.

— Сначала посмотрим, — ответила Верал. — Никаких обещаний.

⁂

Во внутреннем дворе уже стояли Эйден и трое стражников. Возле дверей бывшей библиотеки женщина звала дочь по имени; на её лицо падала серая пыль. Стражник пытался пролезть через узкий проход, но над ним нависала тяжёлая плита, один край которой потерял связь со стеной.

— Где ребёнок? — спросила Мэйра.

— Внутри, — ответила женщина. — Я слышала её. Потом перестала.

Эйден удерживал дверь открытой, пока один из стражников проверял помещение длинным шестом. Он заметил Нику, но не стал ничего говорить. Теперь его внимание принадлежало не ей.

Верал осмотрела арку, потрогала несколько камней и резко выругалась.

— По шву уже пошла пустота. Если просто поставим подпорку, она опрётся на слабую стену.

— Есть запасные блоки в соседнем дворе, — сказала Ника.

— Есть. Но нужно сделать боковые устои. У нас нет времени вырубать их вручную.

Ника представила «Северный вокзал». В той работе арка была не просто декоративной: она нарисовала поперечный разрез стены, показывающий, куда уходит нагрузка. Рисовала неделю, потому что хотела, чтобы старое здание казалось существовавшим до неё, а не возникшим ради картинки.

Теперь она могла использовать этот образ.

И потерять его.

— У меня есть готовый рисунок такой опоры, — сказала она. — Но нужны камни, достаточно плотные и подходящие по размеру. И двое рабочих, чтобы поставить их правильно.

Верал указала на груду материала.

— Блоки целые, с других ремонтов. Их можно брать. Подойдёт лишь часть. Сначала проверим.

Мэйра отправила людей принести камни. Ника встала так, чтобы видеть основание обеих стен, и попросила Верал начертить схему на сухом полу. Они быстро определили два места, куда можно подвести распорные элементы, не разбирая существующую кладку. Стражники подтащили три больших блока на салазках.

— Безопасно? — спросила Ника.

— Не безопасно, — ответила Верал. — Но это лучший из доступных вариантов, и мы можем работать вне зоны прямого обвала.

Ника кивнула. Именно этого ответа она и ждала.

Она нарисовала на полу короткий профиль устоя. Вспомнила собственную работу на стене мастерской: свет сквозь арку, пустую скамью, оставленный шарф. Потом мысленно отделила каменную конструкцию от остального пространства. Не весь рисунок — только формы, которые позволят удержать проход.

Материал начал сдвигаться. Каменные блоки словно услышали давно забытый порядок и медленно повернулись, находя друг друга. Их боковые грани уплотнились, образуя косые выступы. На верхней поверхности появились сколы, соответствовавшие рисунку, а с торца высыпалась мелкая каменная крошка: лишнее не исчезало, а оставалось рядом.

— Левую не трогайте! — крикнула Верал. — Ещё на палец — и она не упрётся в фундамент!

Ника остановилась. Верал подбила клин. Стражники закрепили второй устой, приложив к стене железные стяжки.

Над аркой заскрипела плита.

Ника почувствовала, как по телу пробежала дрожь, не имеющая отношения к холоду. Ей казалось, что кто-то вырвал из груди маленькую незаметную деталь. Она знала, что происходит с картиной, и продолжала удерживать в памяти профиль камня, пока Верал не сказала:

— Всё. Отходите. Теперь пусть работает конструкция.

Солдаты попятились. Устой выдержал.

Эйден первым протиснулся в узкий проём и исчез за дверью библиотеки. Ника не успела возразить. Через несколько секунд он вышел обратно, держа на руках девочку лет шести. Ребёнок был перепачкан пылью, но не ранен. Женщина бросилась к ним, плача и сердясь одновременно.

— Я говорила, не отходи от меня, — повторяла она, прижимая дочь к груди. — Я же говорила!

Девочка виновато кивала и смотрела на деревянную лошадку в собственной ладони. Должно быть, именно за ней она вернулась.

Эйден опёрся о стену и долго не выпускал из руки дверную ручку. Только когда мать увела ребёнка, он подошёл к Нике.

— Вы сделали это, хотя я не просил, — сказал он.

— Я сделала, потому что Верал сказала, что есть шанс. Не ради вашего одобрения.

— Я знаю.

Она села на перевёрнутый ящик. Голова гудела. Верал принесла ей воду в глиняной чашке, и Ника выпила её так жадно, словно весь день провела на жаре.

— Опора рассчитана временно, — сказала мастер. — Завтра нужно будет устроить настоящую стену. А сегодня никто больше не входит в западное крыло.

Мэйра отдала приказ закрыть проход. Под аркой поставили заграждение.

Ника посмотрела на плиты. Они держались. Но она знала, какой ценой.

⁂

Они возвращались к дворцу почти молча. Эйден предложил проводить её до безопасной арки; Ника согласилась, потому что ноги плохо слушались, а город казался необычайно тяжёлым.

У маленького фонтана он остановился.

— Вы сегодня спасли ребёнка, — сказал он.

— Мы спасли, — поправила Ника. — Верал, стражники, вы. Я без них не смогла бы ничего.

— Всё равно ваш дар позволил нам выиграть время.

— За счёт рисунка, который я только сегодня отправила в галерею.

Эйден не сразу понял.

— В вашем мире?

— Да. У меня есть серия работ. Их хотели выставить. Теперь у одной, наверное, исчезла половина арки. Я ещё не видела, но знаю, что будет.

Он смотрел на неё, не пытаясь предложить утешение.

— Вы могли бы отказаться, — сказал он.

— Могла. И тогда маленькая девочка, возможно, не вышла бы из библиотеки.

— Но решение было вашим.

Ника подняла глаза.

— Это важнее, чем кажется. Если бы меня заставили, я бы возненавидела ваш город. Сейчас я просто очень устала и хочу домой.

Эйден протянул ей руку, помогая подняться с края фонтана. Его ладонь была сухой и тёплой. Ника задержала пальцы на мгновение дольше, чем требовалось для равновесия, и тут же отпустила.

Он сделал вид, что не заметил.

— Могу я чем-то помочь? — спросил он.

— Вы не можете нарисовать мне новую арку, — сказала она.

— Нет. Но могу сделать так, чтобы вы больше не оставались единственным человеком, способным удержать чужой дом. Верал составит список конструкций, которые можно укреплять обычным трудом. И я попрошу совет выделить для этого отдельные бригады.

— Вот это уже помощь.

Эйден слабо улыбнулся.

У арки Ника остановилась и оглянулась. На мгновение ей захотелось рассказать ему о «Северном вокзале»: о пустой скамье, шарфе, прямоугольнике света, ради которого она неделю рисовала камень. Но мир начал растворяться раньше, чем она решилась.

⁂

В Яви Ника проснулась с тупой болью под затылком. Она сразу прошла к стене, где висели работы.

«Северный вокзал» изменился.

Арка всё ещё соединяла два двора, но её боковые устои исчезли. От них остались обнажённые края, которые выглядели так, будто художница забыла дорисовать фундамент. Свет

по-прежнему падал на скамью. Шарф лежал на том же месте. Но проход больше не был убедительным: даже ребёнок мог бы спросить, почему крыша не рухнула.

Ника сняла работу со стены. Поставила на пол. Прислонилась к столу.

Она не плакала. Вместо этого минут десять рассчитывала, сколько времени займёт восстановление рисунка без магии. Нужно заново построить перспективу, нанести грунт, высушить, положить тени. Если поторопится, испортит всю работу. Если не поторопится, пропустит выставку.

Телефон показывал восемь двадцать.

Пришло письмо от Лидии Павловны:

«Ника, изображения получили. «Северный вокзал» выглядит необычно: вы сознательно оставили арку без опор? Нам нужно обсудить, не слишком ли это нарушает композицию».

Ника нажала на письмо и долго смотрела на вложение. Там было то же самое — обнажённые края, открытое пространство, невозможный камень. Картина изменилась не только дома.

Соня ответила на звонок со второго гудка.

— Что случилось?

— Я потеряла часть работы. Большой. Для выставки.

— Из-за магии?

— Да.

— Ты жива? Никто не пострадал?

— Я жива. Девочку спасли.

Соня выслушала подробности, не перебивая. Потом сказала:

— Значит, сегодня мы не празднуем чудо. Сегодня считаем убытки. И решаем, как сделать так, чтобы тебе больше не приходилось выбирать между чужой жизнью и собственной профессией в последний момент.

— Я уже понимаю, что придётся рисовать заново.

— Рисовать — да. Но сначала поесть. Потом составим список работ, которые нельзя использовать без крайней необходимости. И список тех, кто в Лиорне обязан делать обычную работу до того, как позовут тебя.

Ника вздохнула.

— Ты опять пытаешься превратить невозможное в таблицу.

— Кто-то должен.

Когда разговор закончился, Ника набрала Лидии Павловне ответ. Написала, что обнаружила серьёзную техническую ошибку в работе и попросила ещё неделю на исправление.

В этом письме не было ни слова неправды. Просто правду пришлось уместить в несколько обычных предложений.

Через час Ника села за новый лист. Начала выстраивать перспективу «Северного вокзала» с самого начала — медленно, терпеливо, без попытки заставить карандаш делать что-то, кроме того, для чего он был создан.

За окном продолжал идти дождь. Она не поднимала головы, пока не закончила первую опору.

Глава 9. Ночной рынок

В субботу Ника закончила четвёртый чертёж моста за двадцать минут до обещанного срока. Отправила файлы редактору, проверила папку дважды и закрыла компьютер так решительно, будто тот был виноват во всём, что происходило с её жизнью.

За два дня она выходила из квартиры только за едой и один раз — за новым набором карандашей. «Северный вокзал» стоял лицом к стене: Ника не могла одновременно заканчивать заказ и смотреть на собственную недоделанную работу. Галерея согласилась дать ей ещё неделю. Это было разумно, но от разумности обида не уменьшалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.